

**НОВЫЕ
Герои**

**НАШ ЧЕЛОВЕК
В ПАРАЛЛЕЛЬНОМ МИРЕ**

ОЛЕГ ВЕРЕЩАГИН

ПУТЬ ДОМОЙ

Книга вторая. НЕ ОСТАТЬСЯ ОДНОМУ

Путь домой

Олег Верещагин

Не остаться одному

«ЭКСМО»

2011

Верещагин О. Н.

Не остаться одному / О. Н. Верещагин — «Эксмо»,
2011 — (Путь домой)

ISBN 978-5-699-53194-3

Плен для бойца хуже смерти! Унижения хуже ран и мучений! Где взять силы, чтобы не сойти с ума в этом аду? Где взять мужество, чтобы жить дальше и надеяться вернуться к своим, зная, что они ждут вожака и друга. Олег, три года назад попавший в жестокий негостеприимный мир, только внешне похожий на Землю, вместе со своими одноклассниками после одного из боев со свирепыми чужаками урса оказывается у них в плену. Но те, против обыкновения, не убивают мальчишку, а везут в загадочный Город Света, который никто не видел, но все слышали самые невероятные легенды. Однако то, с чем ему предстоит столкнуться наяву, оказывается куда страшнее легенд.

ISBN 978-5-699-53194-3

© Верещагин О. Н., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Рассказ первый	5
Рассказ второй	36
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Олег Верещагин

Не остаться одному

*Мы будем помнить
Путь в архипелаге...*

В. Крапивин

*Только эхо в горах,
Как прежде, поет
Голосами друзей-мальчишек...
Голоса их все тише...
Время не ждет.*

Группа «ЧайФ»

*Я посвящаю эту книгу
моим друзьям – тем,
кто своей жизнью опроверг слова:
«Игра важнее тех, кто в нее играет»,
доказав, что все игры на свете
делаются ЛЮДЬМИ*

Рассказ первый

Город света

*...Но все же нашла на камень коса:
Тебе повстречался я.
Тебе не поладить со мной добром,
Как водится меж людьми.
В гробу я видал твое серебро,
А силой – поди сломи!*

М. Семенова

Около недели я провалялся на соломе в вонючем сарае, и урса несколько раз начинали обсуждать, съесть меня, пока не сдох, или еще подождать. Меня это мало колебало, потому что я был без сознания и, наверное, умер бы, если бы не ребята, которых содержали тут же. Это оказались двое испанцев помладше меня, и они меня поили и кормили тем, что им самим давали. Я был в отключке, но пил и глотал. Потому и не умер...

Я не узнал, как их звали. Их убили в тот день, когда я все-таки вынырнул из забытья и лежал на отвратительно разящей соломе, ощущая тошнотную слабость во всем теле. Вошедшие урса скрутили обоих и, обезглавив точными ударами топоров, начали потрошить и разделывать. А двое подошли ко мне. Я слишком слаб был, чтобы пошевелиться, поэтому просто плюнул в них и выругал, не узнавая собственного голоса, на нескольких языках. Урса стояли надо мной, переговариваясь и разглядывая меня. Я ощущал неудобства от того, что голый, под их взглядами не больше, чем в присутствии собак или козлов. Другое дело, что собаки или даже козлы не вызывали у меня такой ненависти.

Они вздернули меня на ноги и, вывернув руки назад синхронным движением, легко поставили на колени. Нога уперлась мне в спину между лопаток – так, что я невольно выгнулся, вытянув шею и почти касаясь лицом земли. От нее пахло сырыми нечистотами, и я ощутил не

страх, не боль, а глухую тоску при мысли, что этот запах и эта мокрая земля будут последним, что я смогу ощущать и видеть в своей жизни. Стоило выживать!!!

И я ждал этого удара. Сопротивляться не было сил, я представлял себе, как выгнется, расплескивая кровь, мое обезглавленное тело, откатится в сторону голова (сколько раз я видел такое!) – и...

И я больше никогда-никогда не увижу Танюшку. Это и было почему-то обидней всего.

Только три года. Не пять, я не дотянул до «среднего срока».

Меня отпустили, и я упал на эту землю уже всем телом. И медленно подумал (странно, именно так), что, кажется, остался жив.

* * *

Я всегда боялся боли. Но, как и любой нормальный мальчишка, еще больше я боялся, что о моем страхе узнают, потому что это означало унижение, а унижение – намного страшнее. Еще *там, на той Земле, я научился терпеть боль. Здесь, на этой Земле, я научился смеяться, когда мое тело полосовали сталью. Научился отдавать приказы в то время, когда на мне по-живому зашивали раны – колотые, рубленые, резаные. Научился терпеть выматывающую, ни с чем не сравнимую боль от заживания этих ран – по несколько дней кряду.*

Не смог я научиться только одному – терпеть унижение. Не только не *смог* – я и *не мог* этому научиться, потому что окружающий меня мир не располагал к безответности, а четко и определенно говорил: на оскорбление словом отвечают ударом клинка. Тот, кто не хочет его получить, – не будет оскорблять. Граждане пассажиры, будьте взаимно вежливы.

Можно посадить на кол человека. А можно посадить на кол душу. Нет, не ту, с крылышками и арфой, я в нее не верил никогда. Вернее, просто никогда о ней не думал. Душа – это честь, достоинство, верность, любовь. Нематериальная, но самая важная составляющая настоящего человека.

Честное слово. Дико звучит. Не поверишь даже. Но посаженная на кол душа – страшней, чем посаженное на кол тело.

Страшней.

А еще страшней – смириться, свыкнуться с тем, что тебя растоптали, унизили, обесчестили. Смирившись – умираешь. Живет только твоя оболочка. Кому-то – все равно. Но если ты несколько лет свыкался с тем, что в тебе живет душа, тебе «все равно» уже не будет.

Наверное, к страху можно привыкнуть, научиться жить одним мгновением, радуясь тому, что именно в него, в это мгновение, с тобой еще не случилось ничего плохого. Я это понимал, но сам так не мог.

Может быть – пока не мог?

Больше всего я боялся не смерти. Нет, не смерти, не боли, а... изнасилования. В этом было что-то чудовищно унижительное и мерзкое – меня, мальчишку, и мальчишку сильного, отважного, стойкого, бойца и рыцаря, заставили бояться именно этого.

Я бы предпочел умереть. Хотя и жить хотелось очень-очень, до воя, до онемения внутри. Но меня терзала неотступно одна мысль: почему они меня не убили? Почему меня не оставили жить, почему не сожрали, перед этим «попользовавшись»? Почему лечили худо-бедно? Куда меня везут?

Говорят, если впереди неизвестность, то человек то впадает в отчаянье, то начинает надеяться. Со мной было не так. Неизвестность впереди была страшней, чем смерть сейчас, хотя путь в эту неизвестность продлевал мою жизнь...

Я точно не знаю, сколько провел еще в этом сарае в одиночестве. Меня кормили и поили. Когда я более-менее восстановился, то попробовал копать, но земля пола была утрамбована

вдоль стен до твердости бетона, да и, судя по звукам, урса были вокруг постоянно... Меня несколько раз охватывала лихорадочная, сумасшедшая надежда, что плен вот-вот кончится, как кончился он в прошлые два раза. Я вслушивался, почти уверенный в том, что вот-вот послышится шум, лязг стали, голоса людей, – и этот дурной сон оборвется. Наверное, я бы чокнулся от этих мыслей, если бы в конце концов не запретил себе к ним возвращаться. Алгоритм, как в разделе «Игры с Чипом» журнала «Пионер»: п.1: надо бежать; п.2: бежать нельзя. Значит – п.3: надо сначала просто выжить. Потом см. п.1.

Хуже всего срасталась левая рука, но и она восстанавливалась достаточно быстро. Просто удивительно быстро, если учесть, что я был в плену.

Я не считал дней. Это не имело смысла просто потому, что я не знал, сколько провалялся без сознания и где вообще нахожусь, – может, меня сюда неделю везли? Но мое заключение в сарае кончилось – просто открылась все та же дверь, и трое урса без разговоров выволокли меня наружу, где, как оказалось, было весьма оживленно.

В большую крытую повозку были впряжены четыре медлительных и флегматичных безрогих вола. Кузов кривовато сидел на неровных колесах, доски – и его, и верха – были обшиты пятнистыми шкурами.

Меня пихнули в спину. Двое урса открыли, отодвинув засов, заскрипевшую дверь в кормовом торце. Снова толкнули сзади, потом мерзко «подсадили» лапами под зад. Я оглянулся через плечо – лапавший меня ниггер, ухмыляясь, облизнулся, и я, с трудом переведя дыхание, ввалился в душное, темное нутро фургона. Позади стукнул засов.

То, что в повозке я не один, я ощутил мгновенно. Она дернулась, поплыла вперед в каком-то мерзком, взбалтывающем нутро ритме; я не удержался на ногах и, падая, попал рукой в человека. Тот немедленно отодвинулся, а я сел, буркнув:

– Извини, я не хотел...

– Ничего. – Голос был тихий. Кажется – девчоночий... но, может, это просто младший мальчишка? Хоть не урса... Я таращился в темноту, стараясь поскорей к ней привыкнуть.

– Ты советский? Русский?

Это точно была девчонка, и я различил в голосе акцент.

– Советский, – отозвался я.

– Я догадалась. Я слышала, как ты говорил.

– Еще я голый.

– Я тоже... – Она сдержанно дышала в темноте. – Теперь, по крайней мере, не так страшно. Тебя как зовут?

– Олег, – сказал я, садясь на ошупь удобней. – А тебя? Ты откуда?

– Дейна... Я из Ирландии.

– Ты давно здесь?

– Здесь – это здесь?

– Ну... нет, в этом мире...

– Четвертый год.

– Я тоже... – Я вроде как начал различать ее в темноте – как еще более темный силуэт. – А в плену?

– Почти месяц, – вздохнула она. Помолчала и спросила: – Ты очень устал?

Вопрос был странным, но я почему-то понял, чего ей хочется, и ответил:

– Да нет, не очень... Ты поговорить хочешь, да?

– Ага. – Она все-таки хорошо знала русский. – Понимаешь, я раньше думала, что ничего не боюсь. За эти годы столько всего было... всякого, и я правда не боялась. Ничего. А тут так страшно...

– Я понимаю, – тихо сказал я. – Мне тоже страшно.

На самом деле страх немного отпустил. Дело в том, что мужчины (настоящие, конечно; ну и мальчишки – тоже) так устроены: если рядом с ними кто-то слабее них, то становится не до страха за себя...

...Дейна Джиллиан могла бы и не пересказывать свою историю, настолько обычной она была. В этом мире Ирландия была соединена с Британией перешейком, и они вместе представляли собой северный полуостров Европы – Темза впадала в Рейн. Дейну схватили в Малой Азии, раненую – их привел туда эрл (очевидно, такой же упертый, как я!) Джаспер, англичанин по национальности. Не добили, даже не насиловали, а зачем-то вылечили...

– У тебя есть девушка? – закончив рассказ, спросила Дейна.

Я стиснул зубы, прикрыл глаза и отрывисто ответил:

– Да.

– А моего парня убили. – Она что-то сказала на непонятном мне, но красивом языке. – Он не смог меня защитить и погиб...

– Он тоже был ирландец? – спросил я.

– Нет, – вздохнула Дейна. – Мы познакомились здесь, он был валлон из Франции... Веселый и сильный. Его звали Леон... А твою девушку как зовут, Алек? – так она произнесла мое имя, довольно красиво, кстати.

– Таня, Татьяна, – сказал я, и у меня перехватило дыхание.

– Таттиан, – повторила она. – Тебе хорошо. Она будет ждать...

Я уже неплохо ее видел. Ну насколько это вообще возможно. Дейна была красивой, что и говорить. Черты лица я не очень различал (вообще почти не различал), но видел широкие скулы, копну растрепанных волос, крупную красивую грудь, длинные ноги (она сидела, подогнув ноги вбок и опираясь ладонью об пол). Деталей не было видно, и я надеялся, что и она меня видит примерно так же. Не то чтобы я стеснялся, просто...

– Ждать, – усмехнулся я. – Не знаю, может, лучше пусть и не ждет... Послушай, Дейна, – я невольно понизил голос, – я убегу. Ну, попробую убежать, как только возможность будет.

Несколько секунд было тихо, только слышно, как она дышит. Потом вздохнула:

– Если поймают – убьют.

– Наверное, – согласился я. – Ну и что? Ты сама подумай: ну куда нас могут везти? Хуже не будет.

– Да я согласна, – кивнула она. – Возьмешь меня с собой? Все равно же кончится тем, что в какое-нибудь рабство продадут... и изнасилуют, что тебя, что меня. А подстилкой жить не хочется.

Меня передернуло – ирландка угодила точно в мой страх. И, скрывая его, вновь появившийся, я затропился:

– Мы, наверное, где-то в Персии. Один мой знакомый как раз из этих мест выбрался... Главное – постараться духом не падать сейчас. И хоть как-то силы поддерживать, а то надо будет бежать, а мы и не разогнемся... Ну, Дейна? Руку?

– Руку, Алек. – И я почувствовал, как ее сильные пальцы сжали мою ладонь.

В краю, где пурга свистит,
Где ветер и снег,
Вдруг может на полпути
Устать человек.

Начнет отступать,
Начнет ругать пургу.
Но друг разведет
Костер на снегу.

Кто мрак раздвигал плечом
У скал Ангары,
Тот знает, они почем,
Такие костры.

И станет теплей вокруг,
И дым уйдет в пургу.
И друга спасет
Костер на снегу.

Сейчас за окном цветы
И в мире тепло.
Но если заметишь ты,
Что мне тяжело,

Что я отступить могу,
Упасть могу,
Ты мне разведи
Костер на снегу.

Пускай не трещат дрова
В ладонях огня,
Скажи мне, что я права,
Что ты – за меня.

И будет назло беде
Светить в пургу
Костер на снегу,
Костер на снегу.

А. Зацепин – Л. Дербенев

Мы тащились на волах двое суток, останавливаясь на ночь. Круглые сутки в закрытой повозке было жарко. Ночью – абсолютно темно, днем светлело, и через кожу полосками – пошире, поуже – просвечивали щели между досками. Нас аккуратно кормили три раза в день – какой-то кашей из сильно разваренного зерна и мясом. Точнее – птицей, мясо из рук урса я бы не рискнул есть. Раз в день ставили деревянное ведро с водой, тепловатой, но свежей. Самым неудобным был туалет – тридцатисантиметровая дыра в носу повозки, хотя каждый раз тот, кто был «не у дел», уходил в корму и там устраивался спиной ко второму. К тому, что мы оба были нагишом, и я и Дейна по молчаливому уговору относились так, словно не замечаем этого.

Мы много разговаривали, вспоминая в основном свою жизнь в *том* мире – я свой Кирсанов, а Дейна такой же маленький городок Клонмел на реке Шур. Здешнюю свою жизнь вспоминали реже – она у нас была похожей... да тут любой сказал бы то же самое о своей здешней жизни. А в нашем коротеньком мирном прошлом оказалось много такого, о чем приятно и даже весело было вспоминать.

О будущем своем мы не говорили, если исключить вопрос побега. Отсюда бежать было невозможно – доски, несмотря на грубую работу, оказались подогнаны прочно. Но мы были готовы использовать малейший шанс.

Вечером третьего дня повозка остановилась вновь. И мы невольно застыли, стиснув зубы, когда застучал засов...

...Солнце садилось за плоские гряды лесистых холмов на западе. В километре от нас текла широкая ленивая река, ветерок, теплый и легкий, качал заросли тростника, над которыми кружились густые птичьи стаи, устраивавшиеся на ночлег. Было жарко и сыровато, трава, короткая и жесткая у наших ног, становилась ближе к реке все выше и сочнее.

Фургонов, оказывается, было несколько, но такой, крытый, как наша тюрьма, – только один. Урса я насчитал не меньше двухсот, и среди них увидел самок и детенышей. И те, и другие держались от нас подальше, хотя то и дело поглядывали в нашу сторону. Да и воины на нас не обращали особого внимания. Несколько, правда, уселись вокруг нас, как часовые, но именно уселись, и я внезапно понял (с удивлением): нас выпустили просто *погулять*.

У ирландки тоже было удивленное лицо. Очевидно, и до нее это дошло.

– С чего это они такие добрые? – процедила она.

– Скорей всего – мы уже близко к цели, – так же тихо ответил я.

Мы переглянулись тревожно. Дейна пожала плечами:

– Ладно, хоть разомнемся. – Она неожиданно упруго подскочила вверх, вскинув руки над головой, а ноги стремительно разведя на шпагат. Я присвистнул от восхищения, а ирландка, ловко приземлившись, предложила как ни в чем не бывало: – Станцуем?

– А они? – Я кивнул в сторону урса, ощущая, как во мне начинает петь какая-то шальная струнка, словно зуд по всему телу идет. Мне определенно хотелось выкинуть что-нибудь вызывающее.

– Да пусть смотрят! – Дейна гордо-презрительно вскинула свой классический прямой нос с легкими веснушками. – Могут даже самоудовлетворяться, если хотят.

– Давай, – выдохнул я. – Танцор я не очень, но кое-что умею...

– Подстрахуй. – Она сделала знак, чтобы я чуть отошел, и упруго перенесла вес на левую ногу, чуть согнув колено.

– Давай, – шевельнул я левой рукой...

...Дейна действительно умела танцевать. То, что мы делали, походило на смесь гимнастики, акробатического рок-н-ролла и спортивного танца-аэробики. А то, что мы выступали нагишом, только «заходило».

Представьте себе эту картину: где-то в глубине Персии, про которую никто тут не знает толком, что это Персия, в окружении вооруженных урса самозабвенно и весело отплясывали взятые ими в плен обнаженные мальчишка и девчонка, забывшие обо всем на свете, кроме танца. Та еще картинка, правда? Не знаю, что меня подталкивало, но скорей всего это был своего рода вызов урса. По-моему, и Дейна ощущала то же.

Когда я выпустил ее руку, дыхание ирландки ничуть не сбилось. И на меня она смотрела вполне одобрительно.

– Это ты называешь «не очень»? – поинтересовалась она. – Тебя учила твоя Таттиан?

– И еще мама, – усмехнулся я. – Она занимается аэробикой. Но *там* я танцевать так и не научился.

Приятный разговор был прерван самым поганым образом. Меня огрели по заднице ладонью, и, обернувшись, я увидел высоченного урса – костлявого, как Смерть, и такого же страшного. Скалясь – типичная их улыбочка – он одной рукой массировал свой член, а другой сделал мне недвусмысленный жест.

Лицо у меня вспыхнуло куда жарче мягкого места. Урса окликнул кто-то из его приятелей (сожителей, блин!) – вроде бы предупреждающе, но он лишь визгливо огрызнулся и, упершись лапой мне в шею, попытался наклонить.

Угумс. Щазз.

Я наклонился... одновременно приседая на колено и, разворачиваясь корпусом, рубанул урса снизу вверх ребром ладони в промежность.

Тот коротко ухнул и согнулся так, что его выпученные глаза оказались вровень с моими.

– Больно? – осведомился я и стиснул в кулаке мужское достоинство горе-наильника, который судорожно открыл рот в ожидании дальнейших неприятностей. Он не ошибся. – Это еще фигня, – сообщил я и, не сводя глаз с глаз урса, с улыбкой повернул кулак по часовой и рванул на себя, с хрустом сминая гениталии. Урса коротко, задумчиво икнул.

– Отлично, – прокомментировала Дейна, влепив урса в зад пинка – он зарылся в траву у моих ног и вяло закопошился. – Ненавижу пидаров. А тут еще и зоофилия.

Нагнувшись, я вытер о его спину ладонь и, снова выпрямившись, спросил у обалдело молчащих зрителей:

– Ну? Кто еще хочет попробовать комиссарского тела?

* * *

– Даже не били, – почти с неудовольствием заметил я, когда засов со стуком закрылся. Вместо ответа Дейна показала мне толлу. – Блин! – вырвалось у меня. – Откуда?!

– Когда там переполох начался, кто-то выронил, я ее и подняла, – Дейна была явно довольна собой, – и просто в дверь швырнула.

– А-а-а-атлично!!! – тихо пропел я и, приобняв ирландку, поцеловал ее. Совершенно неожиданно ее сильные руки обвили меня вокруг моей шеи, и я замер. Потом тихо сказал: – Дейна... не надо...

Ее руки упали – и упавшим был тихий голос:

– Мы, наверное, погибнем... и даже если выберемся – ты вернешься к своей Таттиан, Алек, а мне не к кому будет вернуться... Извини. Я понимаю.

Я почувствовал, что против воли кусаю губы. А потом услышал свой собственный тихий голос:

– Ты правда хочешь этого?

– Да...

– Тогда давай.

«Прости, Таня, – попросил я, кладя руки на плечи Дейны и вслед за нею опускаясь на тряскый пол. – Прости, если сможешь. А я не обману тебя, если... когда вернусь...»

...Засов вновь стукнул уже под утро, и мы (мы в первый раз за эти дни спали, обнявшись – нипочему, просто так, чтобы ощущать себя живыми...), откатившись в стороны, вскочили. Но урса не вошли внутрь, даже не заглянули. Вместо этого – зашвырнули кого-то, и этот кто-то упал мне на ноги.

– С прибытием, добро пожаловать, – сказал я (на всякий случай) по-английски, отодвигаясь и садясь.

Можно было различить, что этот новенький – мальчишка. Наверное, помладше нас с Дейной, такой же длинноволосый, как почти все здесь (волосы – пепельно-русые). На мир мальчишка смотрел одним испуганным синим глазом, второй был подбит, и здорово. Не сводя с нас взгляда, он быстро сел, подтянув колени к подбородку.

– Привет, ты кто? – вполне дружелюбно спросила Дейна. – Я – Дейна, это – Олег, – она очень постаралась выговорить мое имя.

– Я... Димка... – ответил он по-русски, переводя взгляд с одного из нас на другого. – Данилов, Димка...

– Так ты тоже русский?! – возликовал я.

* * *

Как выяснилось, ликовал я зря. Не знаю, что делали с Димкой, но сейчас он вздрагивал, даже если его просто окликали. На вид с ним не было ничего особо страшного, но, очевидно, его просто-напросто надломили страхи перед будущим. Когда мы это поняли, то сильно озаботились.

Дело в том, что именно в этот – четвертый – вечер мы решили начать подготовку к побегу. И вот, пока Дейна скребла бороздки на двух досках, намечая контуры лаза, я подсел к новенькому.

– Слушай, – начал я без обидняков, – мы бежать решили. Сам видишь, у нас толла есть. Ты как – с нами?

Его взгляд метнулся влево-вправо, потом остановился на мне – жалобный:

– Нет... – вяло шевельнулись губы.

– Ты что?! – Я схватил его за плечо. – Ну, не сходи с ума! Бежать надо! Да ты не бойся, мы тебя не бросим!..

– Они догонят, – вновь еле слышно шепнул Димка, и я увидел, что он беззвучно плачет. – Догонят и... хуже будет...

– Да куда хуже-то?! – выдохнул я. – Все равно конец...

– Везут же куда-то, – покачал головой мальчишка. – Может, там можно будет приспособиться... хоть как-то жить...

– А если я не согласен «как-то»?! – зло спросил я. – А ну и черт с тобой!

Я переместился к Дейне и, сменив ее, начал ожесточенно скрести доски. Ирландка, подтолкнув меня, шепнула:

– Что он?

– Не хочет бежать, – ответил я зло, – боится.

– Я попробую с ним поговорить, – решила Дейна, перебираясь к Димке. Я резал доски, по временам прислушиваясь и замирая. Все было в порядке, если не считать того, что работа продвигалась, конечно, медленно.

Вскоре вернулась Дейна. Покрутила головой:

– Да, боится. Очень... Слушай, как бы он нас не выдал...

Я ничего не ответил. Только вновь зашоркал по доскам...

...Весь следующий день мы, осмелев, продолжали с короткими перерывами резать доски. Димка сидел в углу, опустив голову на руки, скрещенные на коленях. Мы практически не обращали на него внимания, охваченные лихорадочным нетерпением. Но вечером, когда мы остановились, а лагерь утомился, доски начали шататься – а потом с тихим хрустом просели наружу, удерживаемые только кожаной обтяжкой.

– Все, – выдохнула Дейна (резала как раз она). И мы снова оглянулись на Димку. – Слушай, мне его жалко. Он же не виноват... Мы ведь тоже боимся.

– Мы боимся и спасаемся, – ответил я. – А он боится и сыт, лапки сложил... Дай-ка. – Я взял у нее толлу.

– погоди, ты чего хочешь?! – Она цапнула меня за плечо. Я молча освободился и перебрался к Димке, который востроенно вскинулся. Открыл рот. Вжался в доски так, что они скрипнули под его спиной.

Сказать честно?

Я собирался его убить. И не то чтобы очень пожалел. Просто... ну, не знаю. Я сел рядом с ним и, дернув за плечо, сказал:

– Слушай, мы сейчас уйдем. Не хочешь с нами, боишься – ладно, черт с тобой. Но крик не поднимай. Будь человеком, а?

Я встал и, не глядя больше на Димку, отошел к Дейне. Присел и начал резать кожу – осторожно, оттягивая ее и поглядывая наружу.

* * *

То ли по наитию, то ли еще как, но дырку мы прорезали – в самый раз пролезть и, вывалившись в нее, плотно прислонили кожу на место. Посидели у колеса, прислушиваясь и приглядываясь. Дул ветер – сильный и теплый, шумели неподалеку деревья. Небо было чистым. Я нашел взглядом Полярную.

– Идем на нее, – шепнул я Дейне. – Пошли...

...До рожи за лагерьем мы добрались без приключений. Там лично мне стало не по себе – отовсюду слышались стоны, вздохи, завывания. Неподалеку что-то плескалось, кто-то ревел. Будь моя воля – мы бы забрались куда-нибудь на дерево, заночевать. Но в том-то и дело, что сейчас вопреки разуму нужно было как раз идти ночью.

Дейна, конечно, тоже боялась, хотя я и отдал ей толлу – какая-никакая, а защита. Но шла следом молча и бесшумно, никак не реагируя на все угрожающие звуки. Да, если вдуматься, большинство из них вряд ли были угрожающими на самом деле...

...Я провалился в грязь по колено, ткнувшись в тростники. За ними тихо плескалась вода.

– Река, – сказала за моим плечом Дейна. Я раздвинул камыш.

Перед нами в самом деле была речная поверхность, в которой ярко отражалась луна. До соседнего берега – шелестящей черной стены таких же, как здесь, камышей – было метров сто. Но по этой глади неспешно крейсировали отлично видимые теперь источники того самого плеска и рева.

Крокодилы. Или что-то вроде. Их было много, и были они офигеть какие огромные.

– Вот твари, – процедил я. – Отмель... пошли, Дейна, ниже по течению, там глубина... и их там не должно быть...

Мы полезли через камыш, то и дело проваливаясь в грязевые ямы, но при этом стараясь не слишком шуметь. Какая-то здоровенная тварь с визгом, ревом и хрюканьем рванула мимо нас откуда-то из грязи – мы едва не рванули с таким же визгом в другую сторону.

– Кабан? – выдохнула Дейна, держась за мое плечо. – Какой огромный...

– Энтелодон, – вспомнил я название водных кабанов. – Он неопасный... – вот в этом я как раз не был так уж уверен. – Пошли, пошли...

– Эти сволочи плывут за нами. – Дейна указала толлой на воду. «Сволочей» во множественном числе я не увидел, но один крокодил действительно плыл параллельным курсом. То ли по своим делам, то ли имея в виду нас.

Река стала еще шире (хотя и не намного), а крокодил внезапно нагнал и ушел вперед с сильным отрывом. Мы переглянулись, и я вошел в воду первым, разгребая ее руками перед собой. Когда стало по живот – оттолкнулся и поплыл. Дейна быстро нагнала меня и двинулась рядом, ритмично взмахивая руками – в одной был зажат нож.

Нельзя сказать, что я не боялся. Но страх был каким-то глухим и не особо беспокоящим, словно боль в заживающей ране.

Никто не тронул нас на этой переправе. Никто и не заметил того, как мы, тяжело дыша – не от усталости, а от волнения, – выбрались на берег и исчезли в камышах...

* * *

Если честно, это все не очень походило на Иран, который я себе представлял как равнинную пустыню. Вместо этого мы шли через субтропический лес, поднимаясь постепенно вверх и вверх, а с проплешин впереди поднимался горный хребет.

– Эльбарс, – сказала Дейна, – а за ним – Каспий. – Она, кажется, знала географию не хуже Танюшки. – Если возьмем западней, то выйдем на Кавказ, но это далеко и опасней. А здесь есть риск никого не встретить, на побережье появляются только казачата из Астрахани...

– Лучше пойдем к Каспию, – предложил я. – Кавказ кишит урса... А там как-нибудь.

– Авось, как вы любите говорить, – подколола она меня, поворачиваясь. Она шла первой. Еще утром мы соорудили себе набедренные повязки, а Дейна вдобавок – накидку на плечи.

– А что, – улыбнулся я в ответ, – авось – это великая вещь... Слушай, мы себе ноги не посбиваем?

– Я бы не сказала, что ты такой неженка, – хмыкнула Дейна. – Ниггера того ты уработал здорово... Есть охота. – Она сменила тему резко и неожиданно.

– Пошли, – кивнул я ей, – стоя на месте, мы так и так ничего не отыщем...

Финики – и в офигенном количестве – мы нашли там, где начался уже настоящий подъем в горы. Я никогда не ел свежих фиников, и то ли с голоду, то ли как объективная реальность, но они показались мне очень вкусными, а главное – были сытными. Набрать их, правда, было некуда, кузовок сделать не из чего, но такие же пальмы видны были и впереди-дальше.

Не знаю, сколько мы прошли за день. Погони не было слышно, а после суток на ногах мы буквально падали и, едва начало темнеть, завалились в какую-то расщелину, куда накидали по максимуму травы – как раз хватило, чтобы утонуть в ней, как в пуховой перине. И все-таки я не спал еще какие-то минуту или даже две.

И думал – думал, что пока все хорошо. Но это еще не значит, что так будет и дальше.

* * *

Я проснулся от того, что Дейна хотела зажать мне рот, именно хотела. В нашу расщелину лился утренний свет. «Что?» – спросил я глазами. «Урса», – так же ясно ответил мне ее взгляд.

За ночь трава, конечно, не успела высохнуть и, на наше счастье, не шуршала. Я добрался до края...

...Урса двигались косой частой линией снизу. До щели, в которой мы сидели, им оставалось метров сто, не больше. И было ясно, что мимо нее они не пройдут.

«Зароемся в траву», – показал я. Дейна быстро закивала. Я забросал ее травой, нашарил толлу и закопался сам, постаравшись, чтобы сверху трава осталась примятой: вдруг решат, что заночевали и ушли?! Надежда была призрачной – но все-таки...

Сквозь спутанные былки травы было видно небо над краем расщелины. Метались, прыгали острые, колючие мысли. Не страх – нет.

Две головы наверху. Без масок, но сами – как страшные маски.

Напряжение свело меня в комок. Дейна, кажется, уже вовсе не дышала.

Урса – один из тех двоих – соскочил вниз и принялся ворошить сено ассегаем.

«Вот и все», – холодно подумал я, вскакивая на ноги.

Урса ничего сделать не успел – я вогнал толлу ему в солнечное сплетение: снизу вверх, по рукоятъ. Перехватил ассегай – и тот, который стоял на верхнем краю, повалился вниз несобренным мешком с ассегаем в груди.

– Вверх! Бежим! – быстро скомандовал я, выскакивая наружу. Дейна вылетела без моей помощи – и я увидел, как она перебросила через себя в расщелину попытавшегося ее схватить

урса. Замахнувшегося на меня ассегам (а убивать-то они нас не хотят... плохо...) я уложил двойным прямым в корпус.

Мы рванули вверх по камням. Но в тот миг с отчетливой ясностью я понял: мы бежим лишь потому, почему бежит от охотников зверь. Не потому, что надеется спастись.

Потому что страшно не бежать.

Страшно сдаться без боя...

Урса окружали нас на бегу – петлей. На равнине, пожалуй, нам удалось бы от них оторваться за счет скорости или выносливости. Но ни я, ни Дейна не привыкли бегать в горах, где то подворачивались под ноги камни, то попадались расщелины.

Дейна бежала впереди. И сперва, когда она остановилась и подалась чуть назад, я подумал: увидела заходящий спереди второй отряд урса. Но уже через секунду понял свою ошибку.

Впереди были не урса. А... пустота.

Сначала я в каком-то умоисступлении совершенно спокойно подумал: «Край земли» и лишь потом понял, что это всего лишь обрыв. Метров десять шириной и глубокий. На дне среди камней щетинились чахлые кустики.

Я оглянулся. Урса перешли на шаг. Они тяжело отдувались.

– Недолгая нам выпала свобода, – горько сказала Дейна. – Ну что ж... Рабыней я все-таки не буду... Прощай, Алек. Ты отличный парень.

Ее лицо стало вдохновенным и решительным. Словно в том танце, который танцевали мы с ней вместе назло урсам, она оперлась на левую ногу – и прыгнула, раскинув руки, вперед. Прямо в восходящее солнце.

На миг мне показалось, что она взлетела...

...Я боюсь высоты. Очень боюсь. Чтобы преодолеть этот страх – этот, а не страх смерти! – мне понадобилось две секунды.

Урсахватило и этого.

* * *

Это снова был сарай. Практически такой же, как тот, на Кавказе... Типовые они тут у них, что ли? По всему свету настроили?

Горько мне было. И страшно. А еще – жаль Дейну. Хотя – что ее-то жалеть, тут меня надо было жалеть скорей уж...

Почему не быют-то?! Этот факт меня уже начал пугать. Раз хорошо обращаются – значит, уверены, что впереди меня ждет нечто такое, по сравнению с чем любые побои – семечки...

Если честно – я поддался тоскливому унынию полностью и сидел в углу, скорчившись и обхватив колени руками, когда вошли несколько урса. Я смерил их мрачным взглядом и улегся на колени щекой, надеясь только на одно: сейчас подойдут, быстренько отмахнут ятаганом голову – и все. Ну... или разложат, оттрахают, потом отрубят руки-ноги, а следом – опять же голову. Ну и ладно. Подольше, конечно, да и жутко – но потом зато все равно конец этому ужасу.

Пускай, только быстрее...

Вместо этого меня быстро, но странно осторожно вздернули на ноги и выволокли наружу...

Около полусотни урса живым кругом огораживали площадку шагов десяти шириной, на которую меня вытолкнули. Сошнувшись от ударившего в глаза солнца, я не сразу понял, что с другой стороны, если так можно выразиться, круга вытолкнули мне навстречу другого белого мальчишку. Он точно так же моргал и щурился, переминаясь с ноги на ногу, – и точно так же, как я на него, уставился на меня, едва немного пришел в себя. Не знаю, как он, а я увидел пацана примерно одних с собой лет, роста, веса и сложения, такого же загорелого (и не

очень чистого, мягко скажем), но светловолосого и голубоглазого. Это было все, что я успел увидеть, – меня пихнули сзади чем-то острым, и я заметил, что и этого парнишку ширнули в спину ассегам, подталкивая нас друг к другу. Одновременно кто-то из толпы сказал по-немецки:

– Деритесь друг с другом. Быстро, ну?!

Вот оно что! Я вспыхнул, сжимая кулаки. Парнишка, очевидно не сообразивший, что я понимаю немецкий, кажется, принял это за готовность к драке и вскинул к подбородку свои. Урса загудели в радостном ожидании.

– Они хотят из нас сделать гладиаторов, – сказал я по-немецки.

– Ты австриец? Швейцарец? – На лице у мальчишки появилось удивление. – У тебя акцент, только не пойму – какой...

– Я русский, меня Олег зовут... и я не буду драться с тобой им на потеху, – твердо сказал я.

Мальчишка опустил кулаки.

– Я Элмар, – представился он. – Немец.

– Драться! – заорал вновь голос из толпы. Мы с Элмаром посмотрели друг другу в глаза. Он усмехнулся углом рта и первым сделал шаг навстречу.

В центре круга мы обнялись. И развернулись спина к спине, лицами к урсам, которые обалдело замолкли. Элмар весело хмыкнул и сказал на ломаном русском:

– Вот теперь я буду драться с удовольствием!

– Взаимно, – ответил я. – Надеюсь, нас убьют.

– Взаимно, – так же заметил Элмар.

На какое-то время урса опешили. Потом круг оцетинился внутрь широкими и длинными лезвиями ассегамов и начал смыкаться.

* * *

На этот раз мне досталось – впрочем, вновь на удивление мало. Я этим воспользовался на полную. При желании много можно сделать просто руками и ногами... Не знаю, что произошло с Элмаром – нас все-таки растащили в стороны, – но, мне кажется, и он получил массу удовольствия. К сожалению, не удалось завладеть хоть каким-нибудь оружием. И вот теперь я вновь валялся в этом проклятом сарае...

Шаги урса разбудили меня раньше, чем они вошли сами – трое. За их спинами в проеме двери вставало солнце, я на миг увидел рошу на берегу вялого, сонного потока и какую-то глиняную стену. В следующую секунду двое урса рывками выкрутили мне руки, а третий затянул на глазах повязку, непроницаемо закрыв свет.

Я не сопротивлялся, внутренне готовясь к тому, что меня ожидало (в том, что не будет ничего хорошего, я был уверен, тем более что меня опять-таки не били и вели осторожно). Земля под ногами была сухой и теплой, я ощутил дыхание и жар толпы, услышал сдержанный шум голосов – голосов урса.

Потом меня куда-то толкнули – в яму, неожиданно и резко. Я выставил вперед руки, готовясь к падению... но оно оказалось коротким, и земля больно ударила по ладоням, как всегда бывает, если ты приготовился упасть с высоты, а оказалось, что она невелика.

Я вскочил, одновременно сорвав повязку.

Меньше всего я ожидал увидеть то, что увидел.

Я находился в круглой яме, похожей на конфетную коробку из глины, обожженной до твердости камня – даже цвет у нее был красновато-кирпичный. На верхнем краю ямы – по всему периметру, на высоте примерно двух метров – стояли урса. Они уже почти не болтали,

переговаривались заинтересованно, а смотрели с откровенным любопытством. Губастые рты скалились, блестели подпиленные зубы и лезвия наклоненных асседаев.

Кроме меня в яме – шагов тридцати в диаметре – никого не было.

Я облизнул высохшие губы, не переставая оглядываться. Чувство опасности не просто сигнализировало – оно вопило в голос...

Опасность появилась сзади, но я успел повернуться еще до того, как она стала реальной. Над краем ямы, среди раздавшихся в стороны урса, выдвинулся решетчатый край клетки. Я услышал сиплый... звук, скажем так, похожий на стон, но стон не больного человека, а... а опасного сумасшедшего. Точнее подумать я и не успел.

На окаменелую глину бесшумно и от этого еще более страшно соскочил зверь. Очевидно, его выпихнули силой, и он упал, но, как и все кошки, упал на лапы. Не глядя на меня, поднял голову, осмотрел верхний край ямы, ошетиленный асседаями. И неспешно развернулся ко мне.

Я был один. Я был ближе. Я был без оружия.

Я не знал, что это за зверюга. Олег Фирсов определил бы, а я видел только, что это странно короткий – метра полтора – но очень высокий – почти столько же в холке! – невероятно широкогрудый хищник с мощными, чуть кривоватыми передними лапами, короткими задними (от чего он весь казался каким-то перекошенным) и куцым хвостом, резко подергивающимся вправо-влево. На длинной, сильной шее сидела неудобно-прямоугольная голова с маленькими круглыми ушами и длинными – в две ладони – клыками, медленно выдвигавшимися сейчас из кожаных «чехлов» на подбородке. Желтые немигающие глаза светились нерассуждающей холодной злобой.

Я увидел, как на загривке зверя поднимается жесткая шерсть. Тихое, страшное рычание заклокотало в горле рыжей твари.

«Саблезубый тигр, – спокойно подумал я. – Так. Меня что, тащили в эту даль, чтобы тупо загравить тигром в паршивой яме?»

Мне стало тоскливо. Тоска сжала горло; тигр двинулся вперед. Я невольно попятился. Сколько он весит? Килограммов триста? Наверное, меньше, но не намного... Собьет прыжком с ног, закогтит и тут же раздавит голову пастью. Не очень долго... Бегать от него по яме? Смешно, урса упишутся...

Нет, не побегу, решил я. Но вновь попятился – тело бунтовало. Припадая на широко расставленные передние лапы, тигр двигался ко мне, kloчoca горлом. Его клыки обнажились полностью...

За моей спиной что-то зазвенело – упругим, знакомым звоном. Словно в момент смертельной опасности окликнул друг. Я не оглянулся.

Я уже знал, что это. И продолжал отступать, но уже осознанно, пока не ощутил ступней холодную сталь.

Не глядя, одним движением, я подsunул ногу под лезвие и бросил оружие в правую руку.

Это был хиршфенгер – точно такой же, каким фехтовал против меня Андерс Бользен на мысе Малей в мае 88-го. Два года назад.

«Ну вот и все, – весело подумал я. – Теперь я умру в любом случае, но умру в бою. Кончился плен... Неужели эти идиоты и правда думают, что я отдам оружие, если убью тигра?!»

Я посмотрел на верх ямы и громко сказал:

– Хотите, чтобы я вас поразвлек? Сейчас развлеку, не беспокойтесь...

Я покрутил палаш, отключившись от «зрителей». Тигр медлил. Он увидел сталь в моей руке и не спешил нападать, потому что знал, что это такое.

И было в его глазах что-то от глаз Марюса... или Нори-Мясника... Что-то жестокое, но человеческое, чего не было в глазах наблюдавших за нами урса.

Я усмехнулся и отдал салют тигру...

Тигр все-таки бросился первым – не прыгнул, а именно бросился, взмахнув лапой, на которой выросли разом четыре страшных, чуть изогнутых трехгранных когтя. Я рванулся в сторону, прыжком спас ноги от второй лапы и тут же, приземлившись, вновь прыгнул – еще дальше в сторону, потому что страшные клыки сверкнули у моего паха. Почти тут же я выпадом раскроил тигру нос, и кровь закапала с его клыков – его же кровь. Шарахнувшись вбок, он фыркнул и замотал головой. Я метнулся вперед, но удар оказался неудачным – тигр очень быстро развернулся, и хиршфенгер вместо того чтобы перерубить ему крестец, рассек залившуюся алым рыжую шкуру. Тигр отплатил мне тут же. Он всего лишь зацепил меня когтем – по левому бедру снаружи – и кровь хлынула на глину, расплываясь черными пятнами. Следующий удар лапы выпустил бы мне кишки, но я отскочил и удачно рубанул по этой самой лапе – острое ударило в кость, и саблезуб, поджав лапу, захрипел от злости и боли.

Тогда я рванулся вперед, держа хиршфенгер обеими руками для укола. Лезвие вошло точно под левую лапу.

Тигр дернулся, отшвыривая меня прочь. Я прокатился по глине, ссаживая локти, колени и ладони, вскочил...

Тигр умирал. Разинув пасть, он выплевывал кровь, одновременно когтями пытаясь достать палаш, сидящий под лапой. Потом – закашлялся, выгнув спину... и рухнул на бок. Скребнул задними лапами.

Все. Кровь еще продолжала течь из пасти, но уже просто вялым ручейком.

Я подскочил к нему и, наступив ногой на еще теплый, еще живой бок, вырвал оружие. На миг кровь хлынула из пасти сильнее, но и только.

– Цирк кончился, – пробормотал я, ладонью затирая рану от когтя, – начинается театр драмы... Ну, что притихли? – поинтересовался я уже у урса и громко. – Кто заберет у меня палаш?

Кажется, никому не хотелось этого делать, никто и не стремился. Но и растерянными они не выглядели.

Странно.

Снова какое-то движения я уловил за спиной. Слона они сюда решили спустить, что ли?

Но это была всего лишь удобная приставная лестница, по которой спускался...

Я даже заморгал. В окружении того, что было рядом, фигура, с пытением сползавшая про лестнице, выглядела комичной и нелепой. Я продолжал моргать. Этот персонаж, ничуть не напоминавший урса, очень походил на короля Дуляриса из любимого мной фильма «Полет в страну чудовищ» – какое-то полосатое балахонистое одеяние, длинный вислый нос, вывернутые губы, маленькие глазки... Только Дулярис был высоким и тощим, а этот – низеньким и толстым. Даже на расстоянии я ощущал противный запах пота.

– Ффухх... – сказал толстяк, промокая лоб рукавом. Не урса... кто такой? Сейчас я сам походил на зверя, не понимающего, чего ожидать от нового существа. – Ну хватит, я тебя беру, – махнул рукой толстяк, безбоязненно чапая ко мне. – Бросай палаш.

Меня поразило даже не то, что он говорит по-русски. Куда более странным был беззаботный тон, которым он требовал от меня бросить оружие.

Я усмехнулся и послал палаш по дуге – ему в правое плечо, чтобы отвалить весь верх жирного тела – с головой и левыми плечом и рукой – как краюху хлеба.

Мне показалось, будто я всем телом врезался в обтянутую резиной стальную дверь. И, проваливаясь в темноту, я еще успел заметить гаснущим сознанием совершенно *странную*, невозможную здесь вещь.

Пояс. Пояс, который был почти скрыт складками одеяния толстяка.

Пояс из квадратных, металлически-зеркальных секций на гибкой основе.

* * *

Мозги тоже можно перегрузить.

Этот толстенький типчик, кто бы он ни был, мог не трудиться заковывать меня в хитро соединенные вместе ручные и ножные кандалы – блестящие, похожие на какие-то злые игрушки. Во-первых, когда я пришел в себя, у меня страшно ломило позвоночник. А во-вторых, я лежал в открытом кузове приземистого автомобиля-пикапа, несшегося по очень хорошей асфальтовой дороге в окружении деревьев красивого парка. Именно парка, не леса. Иногда навстречу проскакивали такие же автомобили. За деревьями мелькали фигуры в широких одеждах, слышались звуки веселья, музыка. Я отключился. Не потерял сознание, а просто перестал воспринимать окружающее, тупо глядя перед собой. Мне стало глубоко наплевать на происходящее. В какие-то несколько минут рухнула картина мира, которую я тщательно и непротворечно выстраивал больше трех лет. Если бы автомобиль сейчас въехал на, скажем, Трафальгарскую площадь, как с фотки в учебнике, – я бы и не ворохнулся. Обрывки мыслей-догадок о происходящем лениво странствовали в голове, особо не напрягая парализованный мозг.

Автомобиль остановился. Я услышал несколько голосов – в том числе и голос «Дуляриса», – которые перекрикивали друг друга, что-то талдычили на совершенно непонятном визгливом языке. Интонация была веселой, словно встретились старые друзья. Я все еще плохо соображал; над краем кузова появилась по пояс женская фигура. Смуглая брюнетка лет тридцати рассматривала меня сверху вниз странными глазами (я не знал слова «похотливые», поэтому не понял их выражения). Она, пожалуй, была бы красивой... но что-то мешало. Чего-то не хватало. Не во внешности – может быть, именно в этих глазах?

Около кабины продолжали разговаривать и смеяться. Женщина движением больших пальцев спустила с плеч просторное платье, обнажив большие груди, в соски которых были продеты золотые кольца, украшенные зелеными и алыми искорками драгоценных камней. «Дулярис»-Абди отмахивался, потом просто гаркнул на нее и ушел; завелся мотор. Женщина, фыркнув и не трудясь подтянуть платье, танцующей походкой пошла прочь, к обочине...

– Вот мы и приехали, – сказал по-русски Абди, появляясь сбоку кузова. И, прежде чем потерять сознание от того же мягкого удара, я увидел за его спиной переплетение улиц, домов и стен.

Город...

Я пришел в себя от того, что меня били по щекам, и, ничего не понимая, уставился в нависшее надо мною лицо Абди. Он улыбался, потом рывком за волосы приподнял меня и, дыша в ухо чем-то отвратным, сказал – по-прежнему по-русски:

– Я хочу тебе кое-что показать, Кое-что очень интересное, – и вывернул мою голову в сторону.

Мы были в улице, стиснутой с обеих сторон глухими серо-желто-белыми стенами – у меня мгновенной ассоциацией мелькнули кадры из фильмов о разных там басмачах и кишлаках. На улице было безлюдно, только сидел прямо посреди нее, возясь в пыли, невероятно грязный и обросший голый парень лет пятнадцати. Он негромко гудел на одной ноте.

– Видишь? – Абди потянул меня за волосы. – Это Дурак. Он тут уже двенадцать лет. Когда его привезли сюда, он был непослушным. Очень непослушным. Пытался бежать. Вел себя, как будто все еще человек, а не раб. Не хотел подчиняться, как положено... Тогда его хозяин кое-что с ним сделал. Простенькое, но эффективное. Теперь он вообще ничего не хочет – вот так ходит, играет с песочком и гудит. Уже двенадцать лет. Не правда ли – поучительно и интересно? – Он сжал мои волосы еще сильнее.

– Мамочка... – невольно вырвалось у меня, и я ощутил (первый раз в жизни!) резкий позыв к непроизвольному мочеиспусканию, если так можно выразиться. Короче, я чуть не обоссался. А думал-то, что все самое страшное уже видел и испытал...

– Запомни это. – Абди потрепал меня свободной рукой по щеке. – Запомни – и жизнь твоя станет куда приятней. А сейчас отправимся дальше, мы ведь уже почти приехали. Придется тебе еще полежать тихонько, отдохнуть. А там мы прибудем на твое новое место проживания.

Я не уследил, что он сделал с поясом – *странным поясом!* – потому что все тот же мягко-беспоощадный удар хватил меня наповал.

* * *

Вот я и оказался в Городе Света.

Впрочем, я немного не так представлял себе это прибытие. А сам город замкнулся для меня в один-единственный колодец двора – пять на пять, большие ворота с засовом из кованой бронзы, навес в углу, как для собаки...

Только это не для собаки, а для... *меня*.

Для четырнадцатилетнего сторожевого мальчишки.

Когда я пришел в себя, все уже было кончено, двор пуст, а на шее я ощутил холодный металл. Ощущение было таким страшным, что мне показалось, будто ошейник душит меня, как живые ледяные пальцы, и я вцепился в него обеими руками, хватая воздух открытым ртом.

Я обернулся. Цепь от ошейника уходила в стену за навесом, под которым стояли две миски. От беленых стен пекло жаром, солнце стояло прямо над головой.

Вторую – внутреннюю – дверь украшал сложный резной рисунок.

Я еще раз огляделся и застонал – раньше, чем сумел себя сдержать, застонал от тоски и ужаса. Мне было страшно сейчас – так, как не было страшно, когда мне собирались отрубить голову. Потому что смерть – это миг. А мне-то предстояло *жить*. Жить в этом душном четырехугольнике. Жить долго. Может быть – вечно.

Ноги у меня подкосились, и я сел в пыль голой задницей – кстати, оказалось, что я и правда еще голый, и сейчас меня это добавочно беспокоило. Мне вспомнился тот норвежец, который умер у нас в плену – просто потому, что не мог быть несвободным, – и на миг мне подумалось, что и я могу вот так умереть.

Нет. Умирать мне было нельзя. Нельзя, надо было выбраться отсюда. Любой ценой и когда угодно, но выбраться, а для этого надо было жить и не распускаться...

Цепь позволяла обойти весь дворик – при максимальном натяжении я как раз упирался физиономией в угол по диагонали от «своего». На меня снова накатила тоска. Странно. Я с удивлением понял, что ощущал себя лучше, когда валялся в сарае на Кавказе. Тогда я был пленным, воином, потерявшим свободу в бою. Сейчас я был рабом. Четырнадцатилетним мальчиком, которого лишили свободы – и которому весь его предыдущий опыт не подсказывал ни единого выхода.

«Ибо неволе предпочитают все они смерть», – вспомнил я сказанные о наших предках-славянах слова византийского историка Захария Ритора. И опять подумал – а что, если?.. Ребята позаботятся о Танюшке... Сейчас разбежусь, и...

Я был уверен, что у меня хватит воли раскроить себе череп о стену. У *того* меня не хватило бы, а сейчас – хватит.

Нет, решил я. Я буду жить и выберусь, даже если отсюда еще никто и никогда не выбирался. Я буду первым.

Я вернулся под навес. У самого угла обнаружилась прикрытая деревянной крышкой яма – глубокая. Туалет... Очень мило, по крайней мере, не придется гадить где попало. Еще бы рулон туалетной бумаги, но она и в Союзе дефицит, в конце концов.

Миски были глиняные, неглазурованные, но явно серийные. В одной оказалась вода – не холодная, но чистая. В другой – с верхом обрезков жареного мяса. Пахло от них одуряющее вкусно – со специями, с перцем, как я любил и как уже давным-давно не ел. Обеды с хозяйского стола – со стола этого носатого губастого пузана.

Ну и черт с ним.

Я съел мясо (и правда – очень вкусное), выпил половину воды и улегся на подстилку. Наверное, задремал – даже точно задремал, потому что вдруг оказалось, что передо мной на корточках сидит мальчишка на год-два младше меня.

Он сидел, сложив руки на поднятых к подбородку коленях, – загорелый и тоже голый, как и я. Таких ребят я видел *там* на картинках в книжках про Древнюю Грецию, да и здесь на Балканах – тоже: тугая копна золотисто-рыжих кудрей, брови вразлет над большими серыми глазами, высокий прямой нос, четкие губы... Он смотрел неожиданно весело, только вот что-то странное было... в нем во всем. Я не мог понять – что, поэтому просто сел, меряя мальчишку взглядом.

– Ты грек? – спросил я, подбирая слова. Мальчишка кивнул своими кудрями.

– Я знаю русский, – сказал он почти без акцента. – Я был вместе с вашими. В самом начале, до того, как попал сюда. Я принес тебе пить.

Он кивнул на миску – снова полную воды.

– Спасибо, – ответил я, продолжая пытаться понять, что с ним не так. – Меня зовут Олег.

– Кристо, – представился мальчишка. – Я буду тебе приносить есть и пить. И немного говорить с тобой, когда хозяина нет дома.

– Хозяин... – я помедлил. – Чем он занимается-то?

– Торгует, – пожал плечами Кристо. – Они все тут торгуют. И еще что-то делают, я не понял что. Рано уходит, поздно приходит. Того, кто сидел тут до тебя, он бил каждый день – тот не успевал открывать ворота по звонку.

– Ты давно в плену? – поинтересовался я.

– Четвертый год. – Кристо облизнул верхнюю губу и пошевелил большими пальцами ног.

– И ты не пробовал... – Я не договорил, но грек догадался:

– Бежать? Отсюда не убегают... Город окружает стена.

– Через любую стену можно перелезть, – заметил я.

Кристо вздохнул:

– Ты не понял... Такая стена... энергетическая, как в фантастических боевиках. Через нее может пройти только араб. На впуске любой, а на выпуске – только араб.

– Черт, – вырвалось у меня, и я, чувствуя, как вновь подкатывает отчаянье, поспешно продолжал: – А с кем из наших ты был, где?

– Сперва я был с нашими, мы все из Афин. – Он опять вздохнул. – Нас вытеснили на Балканы, там остатки соединились с вашими, они пришли с северо-востока. Я попал в плен на реке Ергень...

– Ергень?! – Я вскинулся. – А... случайно, Кристо... не во время боя на лодках?!

– Да, – кивнул он, удивленно посмотрев на меня. – Откуда ты знаешь?!

– Я этот бой видел, – признался я. – Я тогда только-только тут появился...

– Совпаденье... – Кристо смешно сморщил нос.

– Слушай, – я помедлил. – А ты вообще тут... кто? Домашняя прислуга? Или, – я улыбнулся, – псарь, что ли?

Кристо странно посмотрел на меня. Потом улыбнулся в ответ, и улыбка мне сильно не понравилась – ее словно нарисовали одним взмахом злой кисти на детском лице, излучающем страдание.

– Я – девочка хозяина, – сказал Кристо и встал в рост. Каким-то образом я знал его ответ еще до того, как он начал говорить, и у меня бешено забилося сердце, а кровь толкну-

лась в виски. Кристо подбоченился, продолжая усмехаться. – Если хочешь, – он чуть откинул голову, – я и с тобой буду это делать – нечасто, но... У тебя, наверное, была девчонка?

Первое, что я хотел сделать, – заорать и уложить Кристо вмах одним ударом. Вместо этого я шумно перевел дух и... просто сказал:

– Мне тебя жалко, Кристо.

Он вновь сел на корточки – сложился, как игрушечная «змейка», и уткнул лицо в руки. Нет, он не плакал. Потом – поднял лицо.

– Тебя убьют, я по глазам вижу, – грустно сказал он. – Я бы хотел быть, как ты, но мне очень хочется жить. Очень-очень. Пусть даже... так. Я сначала хотел покончить с собой. Правда... А потом... – Он тяжело вздохнул. – Потом... привык как-то...

«И я привыкну, – подумал я с ужасом. – Привыкну сидеть на цепи. Ко всему привыкну...»

– Уходи, – попросил я и отвернулся к стене.

Кажется, он все-таки не ушел сразу, а еще сидел рядом. Но мне не хотелось оборачиваться, слушать, видеть... жить вообще не хотелось, если честно.

– Таня, Таня, Танюша, – вслух сказал я и вцепился зубами в кисть руки.

* * *

Это может показаться диким, но у сидения на цепи есть свои плюсы. Можете смеяться (я бы точно расхохотался, скажи мне кто-нибудь об этом до плена!), но это так.

По-моему, Абди аль Карнай купил меня из тщеславия. Кристо был нужен ему, чтобы трахать. Молодая самка – готовить жрать. Других слуг в доме я не видел (хотя это не значит, что их нет).

А привратник – чтобы открывать ворота. Причем именно такой, как я, – сильный и храбрый мальчишка. Чтобы можно было глядеть на меня и думать о своем могуществе, заставившем меня служить ему. В остальном я аль Карнаю не был нужен, и у меня оставалась куча свободного времени на самого себя.

Может быть, и в этом было тонкое издевательство. Мысли, занимавшие свободное время, могли свести с ума.

Толстый араб жил крайне неритмично. Я не мог понять, чем он вообще занимается, но большую часть времени Абди проводил вне дома, заявляясь то под утро, то поздно ночью. Не всегда, кстати, трезвый.

Когда он первый раз пришел пьяный, я открыл ему дверь – и вроде бы все шло, как обычно. Но, дойдя до входа в дом, он вдруг вернулся и подошел ко мне почти вплотную, постукивая по ноге длинной гибкой палкой. От него воняло потом и спиртным.

– Ты непочтителен ко мне. – Он покачивался, но смотрел достаточно трезво... и в то же время с пьяной злостью. – Ты не зовешь меня хозяином. Я ведь твой хозяин?! – Его палка уперлась мне под челюсть и приподняла голову (до этого я рассматривал пыль у своих ног). – Ну? Повтори, кто я?

Я молчал. Он посадил меня на цепь. В ошейнике. Я сидел у него во дворе голый, пил и ел из мисок, которые мне ставили, как собаке, и справлял нужду в яме под забором.

Но сказать: «Хозяин» – я не мог.

Просто не мог. Я смотрел на него и молчал... а глаза выдают человека. И, наверное, он увидел в моих глазах меня – настоящего.

Хлещущий удар обжег мое правое бедро снаружи. Почти тут же я – автоматически – прыгнул на аль Карная... и вновь, как тогда, на арене, потерял сознание...

...Когда я пришел в себя – болел не только позвоночник, а пыль вокруг была забрызгана моей кровью. Щедро. Абди аль Карнай «месил» меня, уже потерявшего сознание...

...С тех пор это повторялось каждый раз, когда он приходил пьяным. Он требовал от меня назвать его «хозяин» и полосовал палкой по спине и ниже, причем гибкий конец захлестывал на бока и часто рвал кожу. Я молчал. Смотрел в небо и молчал, смаргивая набегающие на глаза слезы. Если становилось *очень* больно – я начинал повторять вслух снова и снова... не знаю даже, чьи это строчки:

– Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово...¹

Он бил. Я говорил, твердил эти строки, словно молитву. Опять и опять, раз за разом.

После этих побоев меня мучили мысли о вечности. Я лежал на подстилке, старался поменьше двигаться, поглубже дышать и не думать о том, что могу остаться тут навсегда. *Навечно*. От таких мыслей можно было сойти с ума... и это тоже означало вечность, но еще более ужасную. *Тот* парнишка вставал у меня перед глазами снова и снова.

Меня *никогда в жизни* до Города Света не били просто так. Не в драке, а именно вот так, как... *как раба*. От этого тоже можно было сойти с ума, я не раз жалел, что не погиб... но вспоминал Танюшку и начинал утро с разминки.

Вообще говоря, я неплохо, хоть и однообразно, питался, если посмотреть непредвзято. Так что физические усилия даже были нужны мне. И после первого, совсем уж горького отчаянья, я начал изводить себя боксом и гимнастикой. Аль Карнай даже выходил несколько раз посмеяться над своим рабом, который колотил стенку кулаками так, что на ней постепенно образовалась вмятина.

В это время он видел меня только со спины, не в лицо. Иначе, наверное, начал бы бить и за бокс тоже. А так – это его просто смешило...

– Зачем ты это делаешь? – спросил меня Кристо.

Он довольно часто разговаривал со мной, и я, сперва отмалчивавшийся, в конце концов перестал валять дурака. Кристо ведь ни в чем не был виновен. Он не был ни трусом, ни слабым, как мне показалось сначала. Просто ему не для чего было бороться, в прошлом ничего не осталось, и он махнул на себя рукой.

– Я убегу, Кристо, – ответил я, усаживаясь у стены. – Даже если это будет первый случай. Я убегу.

Греческий мальчишка смотрел на меня печальными глазами.

Я уличный пес. Подвал, в котором я рос,
Бывал со мною часто жесток.
Учил быть первым всегда от ушей до хвоста,
И ненавидеть хозяйский свисток.
Мой первый педагог отдавал мне все, что мог, —
Он был героем уличных драк,
Он твердил, что только тот побеждает, в ком живет
Блюз бродячих собак.

Удача за нас, мы уберем их на раз!
И это, без сомнения, факт!
Нам дышится в такт,

¹ А. Ахматова.

И ускоряет наш шаг
Блюз бродячих собак.

Я не считал своих врагов, я не боялся их клыков,
Я не умел ходить с поджатым хвостом.
И из всего, что в жизни есть, ценилась верность и честь,
А все остальное – потом.
И в каждом новом бою, бою за шкуру свою,
Со мною были друзья, это факт!
Мы свято верили в то, что не забудет никто
Блюз бродячих собак.

Нас ненавидели те, кто труслив в темноте,
Они считали – мы мешаем им жить.
И лишь с учетом того, что десять против одного,
Нас в результате смогли победить.
И я дружу теперь с котом,
Я дверь не путаю с окном,
Мне доказали, что стар я для драк.
И все реже во сне теперь приходит ко мне
Блюз бродячих собак.

М. Леонидов, Н. Фоменко

Абди аль Карнай ушел рано утром, и я, открыв ему дверь и закрыв ее за ним, вновь завалился спать «до завтрака». Плюсом моего угла было то, что за день стены нагревались и даже под утро все еще щедро отдавали тепло (даже если учесть, что тут и вообще жара!).

Кажется, мне что-то снилось, но не помню – что, и, проснувшись, я увидел, что на этот раз мне принес есть не Кристо, а все та же служанка-урсачка. Эта ящерица меня боялась (даже миски пододвигала специальной палкой), но в то же время я был ей любопытен. Вот и сейчас – она по-обезьяньи уселась на крылечке, выложенном мозаичной плиткой, свесив с колен положенные на них лапки, и внимательно-опасливо следила, как я ем. Вообще это не очень приятно, когда на тебя смотрят, как на волка при кормлении зверей. Но и льстит, если честно.

Закончив есть, я чуть подтолкнул миску ногой.

– Иди, заberi, – предложил я ей. Она, поняв жест, вскочила и молнией исчезла в доме, словно я мог сорваться с цепи и разорвать ее в клочья.

Разорвать ее в клочья я, наверное, мог. А вот сорваться... Я обсасывал эту идейку и внимательно исследовал стену. Ее, вообще говоря, можно было бы и раскрошить. Но сквозь нее проходили – кажется, это называется «армировали» – стальные балки, в одну из которых уходил расклепанный там, снаружи, на улице, штифт, которым заканчивалась цепь. А у самой цепи звенья были литые.

Вот, кстати, еще вопрос. Армированная стенка! Ради интереса я прикидывал, нельзя ли на нее влезть. Но допрыгнуть до верха я не мог, а встать было не на что. Хлипкий навес меня не выдержал бы.

И вообще – многовато тут странного... Этот пояс, словно со страниц фантастического романа... А сам тот факт, что я здесь? Зачем? Я сильный и крепкий – меня сам бог велел запихать на какие-нибудь плантации... А если у них нет плантаций, то кто их кормит?.. Ну, положим, они прикинули и решили, что на плантациях я работать не стану (правильно решили,

кстати). А Кристо? Симпатичный, вот и попал сюда? Ерунда, мальчишки в нашем возрасте почти все, с точки зрения таких мразей, – симпатичные...

А этот странный звук, который слышен по несколько раз в день? Ощущение такое, что... что прогревают авиационный двигатель, как это ни смешно...

Почти со злостью я подумал, что раньше был сообразительней. И умел делать логические выводы на минимальном материале. Расслабил мозги, привык все решать палашом! Король Поединков, блин...

Это было не очень-то справедливо. Но я хотел на себя разозлиться, это иногда помогает...

Во двор вышел Кристо и потянулся – совсем как обычный мальчишка, утром, после хорошего сна, вышедший на дачное крыльцо и увидевший, что и день будет хорошим тоже.

– Привет, – окликнул я его.

– Привет. – Он снова улыбнулся, но уже мне, и, подойдя, сел на корточки. – Поел?

– Поел, – кивнул я.

Кристо помолчал и осторожно сказал, пряча глаза:

– Слушай... если все-таки ты... ну... если тебе тяжело без... ты можешь... я, честное слово, не обижусь...

– Нет, Кристо, – покачал я головой. – Я обижусь на себя.

В одном он был прав. Я привык к Танюшке – в том числе и в плане того, что называют глупым словом «секс».

А уж если быть совсем честным, то я на какой-то момент задумался: а что, если правда?.. Я же не собираюсь никого насиловать, Кристо сам...

Но потом я вспомнил все, что видел из этого раздела. И понял, что в случае, если поддамся, то потеряю самоуважение – в гораздо большей степени, чем может его разрушить унижительное сидение на этой цепи. А главное – главное, я ощущал это! – Кристо, что бы он ни говорил, уже не сможет относиться ко мне, как сейчас. Я не мог этого выразить словами, но как-то смутно ощущал, что мое присутствие здесь что-то потихоньку меняет в Кристо. В сложившемся мальчишке, смилившемся со своей участью... словно росточек какой-то в нем пробивался.

Он был свободней меня физически. Я сидел в ошейнике на цепи. И все-таки в чем-то я оставался свободней его...

– Олег, – тихонько сказал Кристо, и лицо у него было странным. – Олег, я ведь не сразу сдался... Я и с дороги бегал... Меня поймали, били... И здесь... Я сначала есть и пить отказывался... А потом – потом испугался... Я хоть и грек, – он жалко улыбнулся, – но эллины из меня не получилось.

А мне вдруг подумалось: вот не будь у меня якорей, которыми я вцепился в жизнь – Танька, друзья, мечта, случись так, что все это поггло бы у меня на глазах? Держался бы я, как держусь сейчас? Или плюнул бы на все, махнул бы рукой? Да. Ведь и я мог быть, ничем я не лучше его. Просто мне чуть больше повезло, вот и все...

– Да ладно, Кристо, – попросил я его смущенно. – Ты лучше скажи: в доме где-нибудь есть пара палок... вот такой длины? – Я отмерил расстояние от кончиков пальцев вытянутой руки до противоположного плеча.

– Ты хочешь напасть на... – Кристо помотал головой. – Это бесполезно.

– Да знаю я, что бесполезно, – буркнул я. – Не собираюсь я на него нападать... пока. Так есть палки?

– Сейчас принесу, – кивнул он, поднимаясь на ноги и забирая пустую миску...

Это даже удивительно, но Кристо оказался очень неплохим бойцом. Конечно, мне здорово мешала цепь, но все равно. Он раскраснелся, глаза воинственно блестели, когда Кристо ударами своей палки ловко отбивал мои выпады – и даже сам наносил ответные удары. Я подумал, что урса он наверняка не за просто так дался...

– Слушай, – я с размаху оперся на палку, – а в доме еще кто-нибудь есть, кроме тебя и этой ящерицы?

– Пятеро урса, – пожал плечами, блестящими от пота, Кристо. – Ты их не видишь, потому что они со двора входят и живут там же, сзади. Это вроде охраны. А больше никого...

– Это хорошо, – сказал я.

Когда я отпою и отыграю,
Где кончу я, на чем – не угадать.
Но лишь одно наверняка я знаю:
Мне будет не хотеться умирать!

Посажен на литую цепь почета,
И звенья славы мне не по зубам.
Эй! Кто стучит в дубовые ворота
Костяшками по кованым скобам?

Ответа нет. Но там стоит, я знаю,
Кому не так страшны цепные псы.
И вот над изгородью замечаю
Знакомый серп отточенной косы.

Я перетру серебряный ошейник
И золотую цепь перегрызу,
Перемахну забор, ворвусь в репейник,
Порву бока – и выбегу в грозу!

В. Высоцкий

Обнаженный меч Арагорна лежал на балюстраде, огораживающей балкон. Я подошел и, встав рядом, взглядом попросил разрешения. Король кивнул, и я коснулся ладонью холодной Возрожденной Молнии.

– Я здесь уже третий месяц, Ваше Величество.

– Там, – поправил Арагорн. – *Здесь* – это не там.

– Там, – послушно повторил я. – Мне кажется, что я больше не выдержу. Часто кажется. Может быть, мне покончить с собой?

– Это не слишком хорошее желание, – тихо сказал Король и посмотрел мне в лицо печальными глазами. – Тебя ждут, князь. Ты мог и потерять веру, надежду... А как быть им? Получается, что ты уйдешь – и тебя будут ждать напрасно? Тебе не будет больно. А им? А... ей?

– Я не знаю, как мне выбраться *оттуда*, – признался я. – Мне страшно. Я не знаю, что мне делать.

– То же, что и всегда, – сказал Король, и его меч блеснул на солнце. – *Бороться*.

– *Бороться*, – повторил я...

Я проснулся от стука внутренней двери раньше, чем услышал голос Абди аль Карная – он громко и нетвердо распевал что-то веселое, шаркал ногами и гнусно икал. Похоже, хозяин здорово повеселился и решил поветриться пешочком.

Я встал и подошел к дверям – открыть засовы. Но аль Карнай вместо того, чтобы выйти, ткнул меня палкой между ягодиц, а потом, огрев по плечу, заржал, рыгнул и попер по-русски, сбиваясь и продолжая постукивать меня палкой то по левому, то по правому плечу:

– Что подпрыгнул, белый жеребеночек?.. Не ожидал п... п... хрыг... позднего визита? Ну прости, про-пр... сти, что так поздддддд... Я был занят, проводддил вр... ульк... мя. А счас вышел сюсюсюда, чтобббблюэк... ык... – от него дико разило какой-то бардой. – Пыр... пыр... азвлечься... – Он нагнулся и метнул харч мне под ноги, продолжая хихикать. А у меня сжались кулаки, и я почти ощутил, как опускаю их, сцепив «молотом», на жирный загривок... Но я хорошо знал, что в ответ на замах будет оглушающе-мягкий удар, который впечатает меня в стену. А потом – долгая боль в позвоночнике. Аль Карнай распрямился и упер палку мне в горло. – Я... я... счас ахну тттттт... бя парализатором, – он гордо улыбнулся, выговорив такое сложное слово без запинок, а я обомлел, – и оттттт... – он мотнул головой досадливо, после чего выпалил: – Оттрахаю! Оттрахаю тебя, а если мене пы... пынравится, то я бубубду этта и дыак... дык... дальше делать! Или даже... пыминяю т... тебя с Ккккккристо ме... блюк... стами. И ты пи-рис-та-нешь смотреть на меня, как будто это я, – он ударил меня по почке (на этот раз очень больно, я с трудом заставил себя стоять прямо, но на глаза навернулись слезы), – как будто это я сижу на цепи, а ты – х... х... хозяин! Нач...нем!

Он сделал шаг назад, опустил руку к поясу...

И теперь я заметил, что пояса на нем – *нет*.

Я в это не поверил. Кажется, и аль Карнай не поверил тоже – во всяком случае, он пошарил там, на животе, обеими руками, а потом опустил туда глаза...

...и как же он изменился, когда поднял их!

Он понял, что стоит один на пустом ночном двореке в двух шагах от своего раба.

От мальчишки, да. И он весит больше этого мальчишки, и он старше. Но этот вес – жир, а возраст – тяжесть в ногах и руках. Аль Карнай внезапно понял, какой у него толстый и беззащитный живот. Какие у него короткие и слабые ноги. Как он задыхается от страха и как трясутся у него руки.

А еще этот мальчишка был сильнее. Аль Карнай вспомнил, как смешно ему было, когда глупый белый пацан по несколько часов в день бил в стену кулаками... да, вот туда, там образовались выемки...

А если он сейчас ударит... *его*? Абди аль Карная? Своего хозяина?

Не может быть!!!

– Ну что, – я улыбнулся и выделил следующее слово, – *хозяин*? Ты что-то забыл?

– Я-а... н-не-е... – аль Карнай оглянулся, стремительно трезвея.

– Это точно, – кивнул я. – Ни парализатора, ни чернозадых наемников, ни даже палки. Ты. И я. Вот и поговорим, – и я с наслаждением добавил, – и Расскажи мне еще раз, что ты там собирался со мной сделать?

– Ничего! Ничего! – В горле у аль Карная сорванно пискнуло, он замахал волосатыми ручками, словно хотел взлететь, на губах расцвела добрая улыбка. – Именем бога отцов клянусь тебе, мальчик, я пошутил! И в доказательство этого я тебя отпущу – прямо сейчас отпущу и выведу из города, вот только схожу за ключами, хорошо?.. Я сейчас, я быс... ай!

Ухватив его кадык большим и указательным пальцами правой руки, я подвел аль Карная к стене и, впечатав в нее спиной, перекрыл все пути к бегству намертво. Потом поинтересовался:

– За какими ключами? Ошейник заклепан.

– А это ничего, ничего! – заторопился он, не сводя с меня радостно-умоляющего взгляда (вот видишь, я же очень хороший, я добрый и благородный, скулили его глаза...). – Я сейчас пилку...

– Хватит, – брезгливо сказал я, падая вперед, как учил Сергей. Хук левой в висок, прямой правой в солнечное. Я отскочил, опустив кулаки, и Абди аль Карнай тяжело свалился на дворовую брусчатку. Кровь, черная в лунном свете, вытекала у него из ушей, рта и носа.

Я присел, коснулся жирного запястья, потом шеи. Пульса не было. Я тронул голову – она послушно повернулась под странным углом.

Я сломал аль Карнаю шею.

Убил.

Я выпрямился. Ощутил чей-то взгляд в спину, резко повернулся и увидел Кристо. Казавшийся серебристым в этом свете, мальчик стоял в дверном проеме, держась за притолоку высоко поднятой рукой.

– Я принесу пилку, – тихо сказал грек. – Ты меня возьмешь с собой?

– Мы не выберемся, – улыбнулся я. – Погибнем, Кристо.

– Пусть, – тряхнул он своими кудрями. – Лишь бы на свободе... Я сейчас, быстро. Только не бросай меня. Я с тобой, Олег...

Пилка оказалась из легированной стали, как хороший клинок, – новая загадка, кстати. Но цепь она пилила все равно плоховато, и я потерял минут десять, прежде чем Кристо догадался взять пилку сам и довольно быстро срезал головку заклепки. Я услышал щелчок и, нетерпеливо рванув ошейник, ссадил себе кожу справа на шее – сильно, до крови, которая брызнула на плечо. Но я даже не обратил на это внимания – просто швырнул ошейник под навес и тихо сказал:

– Свободен...

Покрутил шеей. Ощущение было странноватым, мне словно бы не хватало этой металлической полосы, и я, внезапно разозлившись, сгреб ошейник и цепь – и, пихнув все это в выгребную яму, выругался матом. Потом добавил:

– Больше мне его не носить.

– Пошли через дом, – поторопил меня Кристо. Глаза его блестели. – Охрана спит, а там ближе к задворкам.

– Да, пошли, – опомнился я. Мысль работала лихорадочно быстро, ища выход: что делать дальше? Как выбраться за смертельный периметр? Стоп, это – потом. Будем решать проблемы по мере их поступления...

Две лестницы вели из большой прихожей вправо и влево вверх. Они были кружевной каменной работы, широкие ступени отливали зеленью. Под моими ногами зеркально посверкивал в свете луны, льющемся из нескольких высоких и узких щелевидных окон, пол, выложенный молочно-белым кафелем с каббалистическими рисунками. Другие плитки – золотые – образовывали на полу большой – во весь вестибюль – гексагон, и меня вдруг тряхнуло нервным ознобом, когда я понял, что вошел точно в центр его.

Я поспешно отскочил. Но было поздно...

Конечно, на самом деле это никак не было связано друг с другом. Но мне почудилось, что связь *есть*.

Перед нами, между двух лестниц, музыкально журчал – почти пел – фонтан-бассейн. Из-за этого бассейна и вышел урса. Скорее всего, он появился со двора. Здоровенный, не тощий, как подавляющее большинство из них. В левой руке он держал длинную толстую палку.

У него оказалась неплохая реакция. Он шипяще заорал, призывая на помощь, раньше, чем я вообще осознал его появление. И сам, не дожидаясь подкрепления, бросился ко мне, намереваясь сшибить на пол восьмидесятикилограммовой массой, а потом просто добить палкой. Кристо он и в расчет не принимал.

Наверное, за свою службу у Абди аль Карная урса не раз бил безоружных и беспомощных. Потому что ему, кажется, и в голову не приходило, что могут ударить *его*.

Я замер на месте, словно пораженный и перепуганный встречей. Когда же урса оставалось сделать какой-то шаг и он уже занес дубинку, точным и сильным ударом правой пятки в колено я разбил ему левую коленную чашечку. Так, что нога практически выгнулась назад и подломилась, заставив урса неловко завалиться на другое колено.

Рев, раздавшийся вслед за этим, был ревом не столько боли, сколько изумления и возмущения – сорвавшийся с цепи голый пацан-«снежок» сделал Могучему И Великому Ему больно! Очень больно! Как же так?!

А вот так... Короткое точное движение коленом – и пасть урса превратилась в оскаленную обломками зубов кровавую яму с лохмотьями разбитых губ. Подскочивший Кристо на лету подхватил выпавшую из пальцев урса палку и нанес один-единственный «кроличий удар», перебивший урса верхние позвонки.

Лицо у Кристо при этом было нехорошее. Такое нехорошее, что даже мне было не слишком приятно на него смотреть.

Впрочем, я особо и не засматривался. Вопли урса не остались неслышанными. Точно, за фонтаном была дверь наружу. И из нее уже вылезли четверо остальных охранников.

С палками.

– Отдать? – быстро спросил Кристо, качнув своим «оружием». Я покосился на него:

– Оставь себе. Я их и так обижу, только по мне не попади.

– Не попаду, – пообещал грек, раскачивая палку. Он преобразился буквально за несколько секунд и сейчас выглядел бойцом, а не мальчиком для постели.

Урса остановились, тупо переглядываясь. Они явно заопасались. Кажется, почувствовали, что с ошейником я оставил во двореке и все то небольшое рабское, что во мне имелось... Но все-таки их было четверо и у них были палки, они были здоровыми мордоротами...

Фонтан торчал как раз между нами.

Я метнулся вперед, в воду. Еще в прыжке наклонившись, плеснул горсть в лицо крайнему слева. Тот откинулся назад, налетев на своего товарища, – я костяшками полусложенного кулака ударил противника в горло. Удар бросил его еще дальше назад, он окончательно сшиб второго. Я крутнулся на месте, вскакивая на поребрик. Двое оставшихся урса до меня не добрались потому, что Кристо их задержал. А они умели только бить. Не сражаться. И будь у грека настоящее оружие, он бы уже разобрался с обоими...

Они напирали. Ударом ноги я подбросил себе в руку палку выведенного мною из строя и, быстро повернув ее в пальцах, нанес поднымавшемуся на колено урса беспощадный, точный и размашистый удар в широкую ящеричью переносицу.

Тот повалился без единого звука.

Я все-таки не Кристо. Я не сидел в этом проклятом доме четыре года. Мне и палка сойдет...

Проскочив под палкой Кристо, я перекатился через плечо по поребрику мимо обалдевших урса. Первый удар буквально вышиб из-под урса ногу, второй пришелся в правый висок.

Последний из стражников отскочил. Секунду смотрел на нас. И, быстро развернувшись, бросился бежать.

Он пробежал шага три – палка, брошенная Кристо, запуталась у него в ногах. А я уже был рядом и без особых хитростей обрушил свою палку на затылок прежде, чем враг вскочил.

– Все, – я отбросил палку.

– Не все, – возразил Кристо. – Тут где-то та урсачка.

Я быстро проверил урса. Все пятеро были мертвы. Я даже удовлетворенно кивнул. Это еще не была полная расплата за ошейник. Но уже – задел.

– Пошли поищем, – предложил я...

Искать самку пришлось недолго – она спала, ничего не подозревая, в притворчике за большой кухней. В общем-то она толком и не проснулась – я свернул ей шею резким движением рук. И повернулся к Кристо:

– Пошли поищем еще.

– Так больше тут никого нет, – покачал он головой.

– Снаряжение для похода поищем, – пояснил я. – Выберемся не выберемся – дело десятое, но сделать для того, чтобы выбраться, нужно все.

Если честно, я совсем не представлял себе, как можно выбраться из города, из которого выбраться нельзя. Но зато я совершенно точно знал, что мое рабство закончилось.

Навсегда.

* * *

Дом был огромен и роскошен – даже не верилось, что жирная тварь жила тут в одиночестве. В одну из комнат Кристо заходить отказался, и я понял, что это – спальня. А в другую мы войти не смогли. Она была заперта на врезной замок, и Кристо пояснил, что это – кабинет.

– Так, уже интересно, – признал я. Петли двери, украшенной обычным тут орнаментом, были заделаны в косяк наглухо. Мы не нашли ни оружия, ни снаряжения, ни подходящей одежды. – А что там?

– Не знаю. – Кристо вздернул плечи. – Не был. Он запирается...

– Видел, откуда этот... ключ доставал? – уточнил я. И подумал, что если из пояса (а забыл он пояс точно где-то в гостях) – то нам можно и время зря не терять.

– С шеи, – тут же сказал Кристо. И просиял: – Точно! С шеи! Я побежал!

– Жду, – кивнул я.

Ждать-то особо не пришлось – не прошло и полуминуты, как Кристо затормозил возле меня, победно размахивая зажатым в правом кулаке довольно массивным ключом – такой вполне можно использовать как кастет.

Я осторожно – сам не зная почему – вставил ключ в щель... И успел отдернуть руку – откуда-то сбоку упруго выметнулась и задрожала острая пружинка.

В ушах зашумело. Я мгновенно вспотел, а ноги ослабли – пружинка, похожая на змейку-карайт из кипплинговского «Рикки-Тикки-Тави», меня испугала в тысячу раз больше, чем мечи или топоры врагов. Эта дрянь наверняка была отравлена!!!

Кристо, похоже, испугался еще больше моего – он схватился за мой локоть холодными пальцами, с трудом переводя дыхание.

– Дрянь. – Я осторожно взялся за основание пружинки и, переломив ее, бросил в угол, а потом повернул ключ. И вновь отдернул руку – на всякий случай.

Но ничего не произошло. Только где-то в глубине двери упруго шелкнул засов.

* * *

Я не знаю, откуда он все это брал и зачем хранил. Если я что-то понимаю, то пленных – будущих рабов – в Город Света доставляли вообще голыми, не то что с оружием. Может быть, Абди аль Карнай просто испытывал тягу к холодному оружию? Или?.. Или?.. И еще тысяча «или?» Вопросы, которые так любил этот мир задавать и на которые так неохотно давал ответы.

Никакого кабинета за дверью не было. Это оказался склад. Точнее – демонстрационный стенд. Не меньше полусотни клинков самых разных видов висели на стенах, и это было не урсайтянское оружие. А вдоль стен на низких скамейках лежали очень аккуратно размещенные вещи. Тоже самые разные, а главное – ношенные.

Меня, если честно, охватило угнетающее чувство при виде этих вещей. Ведь они были *с мертвых*. С погибших мальчишек и девчонок. И именно в этот момент я понял, зачем нужно было аль Карнаю это помещение.

Затем же, зачем нужен был я. Чтобы, заходя сюда, упиваться своим могуществом.

Жаль, что можно убить только один раз.

Но нам это, так или иначе, было на руку. Я сбросил с одной из скамеек на пол два кожаных вещмешка (не промокнут, если что!), две фляжки (тоже из пропитанной смолой толстой кожи с затычками и ремнями) и кивнул Кристо:

– Обмундировывайся...

Оказывается, что очень отвык от одежды – и не в положительном смысле. Мне показалось, что, одеваясь, я окончательно возвращаю себе ту часть достоинства, которую у меня сумели-таки отнять... Ведь из таких переделок без ущерба для души не выходит никто.

Я легко отыскал кожаную куртку со свободными рукавами, капюшоном и шнуровкой спереди, кожаные клешы со вшитым ремнем с костяной пряжкой, сапоги – под колено, с завязками по верхнему краю. Почти не удивился, когда увидел и бригантину из толстых полос кожи, сшитых внахлест, и леворучную крагу для фехтования. Считай, точно такие, как были у меня... Но вот что меня изумило несказанно, так это то, что я, перебирая оружие, нашел свой палаш.

Ну конечно, это мне сперва так показалось, что свой, – из парной лопасти торчала дага, и я, сняв перевязь со стены, почти с мистическим чувством различил на яблоке рукояти округленную свастику! Из чехлов на ремне торчали три метательных ножа. На миг мне почудилось, что я держу в руках каким-то чудом возродившееся и попавшее сюда *мое* оружие.

Но в следующую секунду я различил, что плетение совсем иное – на рукояти... и раковины, защищавшие ее, были не в продольных ребрах, а в мелких ямках... И все-таки, обнажив лезвие, я ощутил восторженный толчок: да! Это было оружие. Настоящее. Мне показалось, что оно ждало меня с тех самых пор, как его выпустил из руки прежний хозяин. И я был почти уверен: он умер достойно.

Я рывком затянул пояс и обернулся. Кристо тоже уже был одет и сейчас перетягивал кудри найденной повязкой. На поясе у него висели длинный охотничий нож и простой неширокий меч, к голенищам таких же, как у меня, сапог были притянуты ремешками фехтовальные парные кинжалы.

– Вот, – сказал он, притопнув ногой.

– Орел, – без насмешки ответил я. – Давай-ка зимнюю одежду посмотрим. Снаряжаться – так по полной программе...

...«Зимку» мы тоже нашли быстро, она лежала на тех же скамейках – на несколько вкусов и размеров. Мы молча упаковывали ее в вещмешки, по временам на всякий случай прислушиваясь.

Тихо было в доме. Тихо в городе.

Наконец все было упаковано. Я посмотрел на Кристо. Он – на меня.

Не знаю, как он, а я понял – мы просто боимся выйти из дома-тюрьмы навстречу неизвестности.

Я лязгнул палашом в ножнах. И этот знакомый звук окончательно стер последние остатки опаски.

– Пошли, – не сказал – скомандовал я.

Не вдоль по речке, не по лесам —
Вдали от родных огней —
Ты выбрал эту дорогу сам,
Тебе и идти по ней.
Лежит дорога – твой рай и ад,
Исток твой и твой исход.
И должен ты повернуть назад
Или идти вперед.

Твоя дорога и коротка,

И жизни длинней она,
Но вот не слишком ли высока
Ошибки любой цена.
И ты уже отказаться рад
От тяжких своих забот.
Но, если ты повернешь назад,
Кто же пойдет вперед?

Хватаешь небо горячим ртом —
Ступени вперед круты, —
Другие это пройдут потом,
И все же сначала — ты.
Так каждый шаг перемерь стократ
И снова проверь расчет.
Ведь если ты не придешь назад,
Кто же пойдет вперед?..

Б. Вахнюк

На улице всюду светила луна. Пыль под ногами казалась алюминиевой, было жарко, то ли с отвычки в коже, то ли на самом деле. И — пусто. В обе стороны тянулись заборы с калитками, один в один похожие на тот, за которым я просидел три месяца.

— Куда пойдем? — спросил Кристо. Я начисто не знал, что ответить, но виду подавать было нельзя. Впрочем, по-моему, грек и не надеялся выбраться, а просто хотел погибнуть свободным.

А я внезапно вспомнил тот периодический «самолетный» звук. И что-то такое забрезжило впереди, словно слабенький огонек карманного фонарика в чаще леса.

— Кристо, — медленно сказал я, — ты все-таки был свободней меня... Помнишь такой гул? Ну, как будто...

— Как будто самолет на полосу выруливает? — быстро спросил Кристо. — Каждые три часа с шести утра до шести вечера? Да, помню, конечно.

— Ты можешь определить, откуда он слышался? — Кристо кивнул. — Пошли туда...

Город Света был запутанным лабиринтом чистых и безлюдных улиц. Бесшумными они не были — мы часто слышали шум гулянок и музыку из-за заборов, но в целом это было даже странно: вот так гулять в Оплоде Мирового Зла...

Кристо вел меня довольно уверенно, но часто останавливался, нервно оглядываясь и прищелкивая пальцами. Я не торопил его, хотя уходило время, и пытался сам в себе разобраться: откуда эта надежда? На что она вообще?

Делать в сложных ситуациях полезней всего то, что первым делом приходит в голову. Это и было единственным оправданием.

— Кто-то впереди, — сказал Кристо, прижимаясь к стене. В руках у него оказались кинжалы. Я выругал себя (задумался, кретин!) и влип в стену рядом с ним.

В самом деле. Такая же залитая луной фигура, как и все вокруг, двигалась нам навстречу. Странно двигалась — не шла, а брела, жутковато и вяло. Но именно по этой жутковатой вялости я узнал Дурака. Виденного единственный раз — запомненного навечно.

Сведенный с ума мальчишка двигался нам навстречу, временами присаживаясь, и, что-то бормоча, начинал пересыпать в ладонях пыль. Кристо подался ко мне, и я, положив ладонь ему на плечо, отодвинул грека в сторону, а сам вышел на середину улицы.

Дурак скользнул по мне равнодушным, *внутренним* взглядом и остался стоять, словно я был непреодолимым препятствием – чуть покачиваясь и тихонько гудя. Я почувствовал, как на коже по всему телу волоски встают дыбом. От ужаса. Жалости, если честно, я не испытывал, только ужас перед мыслью о том, что это существо было когда-то бойцом – и, видимо, отважным бойцом! – человеком с надеждами, увлечениями, любовью...

– Подожди, – тихо сказал я, правой рукой доставая дагу. Левую руку я положил на лоб Дураку, откинув спутанные волосы и чуть отклонив голову назад. – Сейчас все кончится.

Не знаю. Лично я был бы благодарен любому, кто вырвал бы меня из *такого* существования. Не жизни, нет... Не смерть страшна, а унижение...

Дага вошла в солнечное сплетение Дурака до упора.

На миг он согнулся. Тихо кашлянул и поднял на меня неожиданно очистившиеся глаза. Больше не кусочки туманного стекла, а человеческие глаза, в которых были боль и... благодарность.

– Меня зовут Клаус, – выдохнул он по-немецки. – Спасибо...

* * *

Кристо ориентировался в этом городе намного лучше меня. Удивительно, но он в самом деле вывел нас туда, откуда доносился звук. И я сразу понял, что звук этот мог доноситься отсюда, и только отсюда. Ниоткуда больше.

Здание, стоявшее в центре небольшой площади, было тут не более уместно, чем космический корабль в первобытном племени. Большое колесо – глухое, без окон, – вызвавшее у меня в уме слово «синхрофазотрон», было увенчано четырьмя решетчатыми башнями. В вышине между ними сиреневым светом переливался электрический крест.

Странно, что это здание мы увидели только сейчас. Уж башни-то должны были торчать на виду в любой части города...

– Электричество, – выдохнул Кристо. – Господи святой благой всемогущий! Это электростанция! Вот оно откуда!

– Не думаю, – покачал я головой. – Точнее – это не только станция... Пойдем, Кристо.

– Что ты задумал? – впервые поинтересовался он.

– Пока не знаю, – отрезал я. – Пошли...

Дверь – точнее, большие ворота с дверью в них – нашлась, когда мы слегка обогнули здание. Выйди мы из другой улицы – уперлись бы точнехонько в них.

Дверь оказалась открыта, и, если вдуматься, ничего странного в этом не было. Во всем городе никто не мог сюда проникнуть с враждебными целями.

Кроме нас.

Сразу за дверью начинался коридор, плавным изгибом уходивший влево и вправо. Его освещало странное сияние, и мне понадобилось усилие, чтобы понять: светятся электрические лампочки. Самые обычные, в прозрачных плафонах, вмонтированные в потолок через каждые десять шагов.

– Я же говорил, что это электростанция, – выдохнул Кристо, но я его уже не слушал. Я внимательно разглядывал *пол* коридора и мог поклясться, что он поднимается. Плавно, но явственно.

– Пошли. – Я щелкнул пальцами, и звук запрыгал по коридору. – На... право.

И достал палаш.

Чувство легкой нереальности происходящего не оставляло меня.

* * *

В сущности, все это здание было одним кольцевым коридором, уводившим на крышу, в свою очередь представлявшую собой открытую галерею с перилами по краям.

Главное было во внутреннем дворике, где несколькими concentрическими кругами стояли удобные скамьи со спинками. Ряды поднимались от краев к центру и сейчас почти все были пусты. Десятка три арабов, сидевших и неторопливо ходивших внизу, терялись в этом большом пространстве.

Они смотрели на экраны – большие, каждый метра по четыре в диагонали, – четвертым кольцом опоясывавшие пространство стен. Большинство экранов были либо пусты, либо показывали лес, луга, горы – короче, пейзажи. Но на некоторых перемещались люди... а в нескольких местах я увидел схватки. Именно за последними экранами и наблюдали арабы.

Ошеломленные и растерянные, мы с Кристо стояли наверху. На нас просто никто не обращал внимания, а мы забыли, что надо скрываться...

Где-то над планетой вращаются спутники. Много. Очень много. Они ведут постоянную передачу снятого – информация идет сюда потоком. В этот амфитеатр собираются горожане. Иногда спутник засекает схватку или вообще что-то интересное. Может быть, тогда они делают ставки. Кто победит. Сколько пройдут. Скольких убьют.

Последнее, что я успел внятно осознать, – прыгаю вниз...

Последнего из посетителей этого кинозала я убил перед экраном, на котором несколько мальчишек и девчонок, шатаясь, брели по сверкающему алмазным светом леднику – оставляя кровавые следы изрезанных льдом полубосых ног. Огляделся. Трупы лежали вокруг мокрыми полосатыми тряпками. По сиденьям и ступеням стекала кровь.

– Это все не их, – сказал я. – Они этим пользуются, но они не могли это построить. Зачем все это было нужно? Кому? Не понимаю... – Я наклонился, тщательно вытер палаш о труп. Повторил: – Не понимаю.

– Олег! – Кристо, рыскавший под стеной, как волчонок, махал мне рукой. – Олег, скорей сюда! Тут дверь!

– А? – Я рассматривал экраны, чувствуя, как меня трясет. Может быть, и мы попадали на них... Меня смущало не то, что эти существа могли увидеть *очень* личное. Крыс не стесняются. Но крысы питались – да, *питались!* – нашими чувствами, нашими страданиями, нашим гневом, нашей болью. Они приходили сюда развлекаться!

В эту минуту я поклялся себе, что вернусь и уничтожу Город Света. Уничтожу, как давят ногой паучье гнездо. Но сначала разберусь, что к чему и что все-таки творится в этом мире!

– Олег! – надрывался Кристо. – Да скорей же сюда! Смотри!

Он уже открыл дверь и, стоя на пороге, бешено махал мне рукой. Страхнув с себя оцепенение, подавив ярость, я подбежал к нему.

– Смотри! – Кристо тоже трясло – от возбуждения. – Понял?! Смотри! Понял?! Вот как они!..

У меня приоткрылся рот. Вспомнился Крит, вспомнились берущиеся словно бы из ниоткуда урса...

Я достаточно прочитал фантастических книжек, чтобы понять смысл широких ворот, рядами уходивших в темноту сквозь одну из стенок коридора, открывшегося нам. Это были камеры для перемещения в пространстве. Для телепортации. И Кристо это сообразил еще раньше меня.

Почти все камеры были черны и пусты, их можно было принять просто за какие-то боксы. Но в нескольких – и это выглядело дико, ошеломляюще – видны были кусочки пейзажей *там*. Не телекартинки, как на экранах, а именно *кусочки*. Шагай. И все.

– Как все просто... – заворуженно прошептал Кристо.

Да. Сложно было выдержать рабство. Освободиться – вообще невозможно, это было сумасшедшим везением. Нелегко было выбраться из дома, найти оружие и снаряжение. И связать воедино странный гул (наверное, от каких-нибудь мощнейших моторов) с возможностью спасения – тоже сложно.

А в результате все получилось просто. Смешно, но Кристо был прав.

За порогом ближней к нам кабины была тропинка в скалах. В другой – берег то ли моря, то ли океана.

– Не пойму. – Кристо возбужденно дышал. – Куда идти-то?

Он тоже разобрался с происходящим... Я уже собрался посмотреть еще несколько кабинок – подальше... как вдруг за нашими спинами монотонно взывала сирена. От этого звука мне показалось, что глаза начинают выпирать из глазниц, а кожа зазудела, словно под ней забегали десятки муравьев.

Я оглянулся.

Из какой-то невидимой двери в амфитеатр с равнодушно перемигивающимися экранами выбегали урса. Свет трепещущей электрической зарницы мертвенно сиял в их оружии.

– За мной! – крикнул я Кристо, бросаясь на горную тропку.

Рассказ второй Встречи в пути

Где наш дом?

Отражаются звезды в реке подо льдом.

Я утраты считать разучился давно.

Не сыскать ни следа, и на сердце темно...

Кто судил нашу жизнь беззаконным, жестоким судом?

М. Семенова

– Ну вот на кой черт мы сюда заперлись?!

Саня флегматично пожал плечами. С моря задувал ровный теплый ветер, полный запахами соли и йода. Желто-серыми каменными обломками щетинилось побережье, между ними тут и там замедленно и флегматично перемешались бурые крабы. На плоских сопках ритмично раскачивались деревья, белые бурунчики вскипали у подножий граненых «пальцев», возвышавшихся в море и похожих на странные шахматные фигуры.

Сморч, сидя со скрещенными ногами на плоском камне, пропускал между пальцев ремешок своего кистеня. Дальше по берегу виднелся вытасенный на камни корабль со снятой мачтой. Возле него передвигались люди, слышались деревянный стук и веселые голоса.

– Надо было остаться в Австралии, – добавил Сморч.

– Надо было не расходиться, Игорь, – назвал Саня по имени своего помощника и друга.

– А? – не понял Сморч и выпустил кистень.

– Я хочу вернуться и найти наших, если они еще целы, – отдельно и четко сказал Саня, не поворачиваясь.

– Черт! – Сморч вскочил, его широкое смуглое лицо озарилось глуповато-непонимающей, но радостной улыбкой. – Черт! – Он хрястнул Саню по плечу так, что тот перекосялся на сторону. – Черт, да конечно, я руками и ногами «за!»! Давно пора! Поднимемся на север, до ледостава пропрем побережьем – если будем стараться, то успеем в Белое море... А там уж как-нибудь найдем наших! Черт, Саня, да что ж ты раньше-то?!. Пошли к ребятам, они офигеют от радости!

– Подожди. – Саня легко поднялся на ноги, настороженно покрутил головой, и из его рукава плавно и бесшумно выскользнул кистень. – Кто-то идет, кажется...

Хоп! Гирька прыгнула в ладонь Сморча, ремень обвил кулак, готовый к броску. Он сам напряженно и внимательно заозирался.

– Не... – начал он, но в следующую секунду вместе с Саней молниеносно развернулся, взмахнув рукой для броска, навстречу двум неслышно подошедшим за камнями незнакомым мальчишкам.

Раз! Кистень метнулся вперед атакующей змеей... и оказался плотно намотан на кулак улыбающегося темноволосого парня с прищуренными под длинной челкой ореховыми глазами.

Незнакомого?! Да нет – очень знакомого!!! Очень! Просто... невозможной, невероятной была эта встреча на дальневосточном берегу – такое только в жизни и может случиться, в сказке не расскажешь, вруном назовут! Сморч даже не попытался сдернуть ремень кистеня с кулака – стоял с открытым ртом.

Да и улыбающийся парень выглядел ошеломленным. Видно было, что и он не очень-то верит в эту встречу.

– Сколько же мы не виделись, князь? – медленно спросил Саня.

– Больше двух лет, – ответил я. Почему-то не было других слов, нужных и важных, хотя это ведь Саня, все тот же худощавый, остролицый, насмешливый Саня, и Сморгч – улыбающийся во всю физиономию. И я просто повторил: – Больше двух лет... Вот это Кристо, ребята. Да, еще... – Я потер лоб. – Я рад вас видеть.

* * *

– Кто твои люди, Саня?

Мы засиделись далеко за полночь, пересказывая друг другу все, что с нами было. Звезды в теплом небе перемигивались, ветер сменился, дул с суши в море, принося запахи тайги.

– Разные, – ответил Саня. Он немигающими глазами смотрел в пламя. – Кого только нет... Корабль строили в Швеции, давно уже... Значит, – он посмотрел на меня, – ты уже почти год не видел наших?

– Почти год, – кивнул я. – Не лучший год в моей жизни.

– Ты не изменился, – сказал Саня, и мы оба засмеялись. Здесь эти слова звучали как хорошая шутка, старая, но неприедающаяся. – А оружие, я вижу, новое.

– Старался подобрать похожее. – Я похлопал по ножнам. – Старое потерял, обидно, конечно... А Олег, значит, погиб...

Саня молча кивнул. К чему было рассказывать еще раз, как почти год назад Фирсов попал под топор на мадагаскарском берегу... Смешной невысокий парнишка с веселыми глазами...

Тоже мой друг.

– Значит, есть он, Город Света... – снова нарушил молчание Саня. – Не легенда...

– Реальность, – подтвердил я и несколько секунд молчал, чтобы справиться с нахлынувшей холодной злобой, от которой мир вокруг сделался плоским и черно-белым, как фотография. – И я себе поклялся, что его не будет. Я хорошо умею держать клятвы.

– А вот в этом я тебе не помощник.

Мне показалось, что я ослышался. Да нет, это говорил Саня. Санек. Тоже мой друг. А еще... да нет, ошибся Саня. Оба мы изменились, и не князь я ему больше. Пиратский командир, сам себе вождь, говорил со мной.

– Не помощник? – уточнил я.

– Нет, – тоже уточнил Саня.

– Два года – это много, – сказал я.

– Немало, – согласился Саня. – Хватит, князь. Я не играю в рыцарей, спасающих мир. Свой мир я вожу с собой, и Город Света ему не противник. Мы не пересекаемся.

Мне хотелось спросить – как же Олег и другие? Но вместо этого я спросил:

– Как Бэн? Все еще спишь с ним?

– Все еще сплю, – безо всякого выражения подтвердил Саня, не спуская с меня глаз.

– Хорошая вещь – постоянство и верность старой дружбе, – заметил я.

– Даже ради верности старой дружбе не стоит делать глупостей, – улыбнулся Саня.

– А ты изменился, – сказал я.

Саня пожал плечами:

– Поумнел, может быть?..

– Может, – согласился я. – А можно и другие слова найти... Знаешь, Сань, не греет что-то твой костер. Да и пути у нас, видно, разные. Рад был повстречаться.

– Не поплывешь со мной? – Он вновь уставился в огонь, и глаза ушли в черные впадины, утонули в них.

– Нет, – покачал головой я. – Да и ночевать не стану, пожалуй. Кристо, вон, останется, если захочет. А я – нет. Ты, – не удержался я, – только его не трогай. Его уже... любили.

– Не останется, – хмыкнул Саня. – По глазам видно – тоже... рыцарь. А можно и другие слова найти.

– В океане дорог много, а у меня одна. – Я встал и поднял перевязи. – Ну – может, еще и увидимся.

Саня не встал и не поднял глаз. Только уронил:

– Может быть, князь.

* * *

Кристо нагнал меня, когда я поднимался на сопку. Собственно, я услышал его шаги изда- лека, остановился и подождал, а дальше мы пошли молча. И только во время спуска с сопки – километра через три – я сказал:

– Зря ты пошел со мной. Плыл бы с Саней, а там – куда хочешь. – Кристо дернул плечом и соорудил гримасу. – Он хороший человек, – добавил я строгости в голос.

– А я иду воевать. И не с урса... не только с урса... а с Городом Света. Понял?

– Спасибо, объяснил, – кивнул Кристо. – А то я ведь раньше этого не знал... Почему, по-твоему, я с тобой вообще иду?!

Я дал ему подзатыльник. Кристо хмыкнул. Потом спросил, глядя в сторону:

– Этот... он твой друг?

– Странно, да? – Я имел в виду нашу с Саней встречу, но Кристо, кажется, подумал о другом и кивнул. – Был моим другом. Когда-то, в самом начале почти, он спас меня от очень страшной смерти, Кристо... И до этого мы долго дружили... *там*... – Я сбивался и тоже глядел в сторону. – Как в этих книжках... друзья с детства – чушь, – тоскливо заключил я.

– Нет, – тихо, но упрямо сказал Кристо, и я посмотрел на него. Грек не опустил дерзких глаз. – Не чушь. Я тоже так думал, когда... когда жил *там*. Я совсем перестал верить, пони- маешь – совсем! А потом пришел ты – как в книжке! И спас!

– Как в книжке? – задумчиво спросил я. – Да, как в книжке... Помнишь, как зимой ты пересказывал мне Толкиена?..

Да, это было в январе, когда мы пережидали буран в пещере на памирских перевалах. Горел костер, и я, спросив Кристо, читал ли он «Хранителей», получил ответ – да, все три части. Я загорелся, сказал, что читал только первую, и Кристо очень хорошо пересказал мне книгу до конца. Черт возьми, чего только не было за эти восемь с лишним месяцев... Начать с того, что те горы, в которые мы прыгнули, спасаясь от поднятых по тревоге урса, оказались Гиндукушем, и на запад идти было просто нереально – перевалы кишели врагами, а никаких наших тут просто не наблюдалось. И мы пошли на восток – в противоположную сторону от тех мест, куда безо всяких фигуральных выражений рвалась моя душа. Пошли, чтобы спастись, хотя я почти ни одной ночи не спал нормально. Мне снилась Танюшка. Сейчас, когда я был свободным, мысли о ней мучили меня еще больше. Она могла погибнуть в этом чертовом мире ежесекундно, а я вместо того, чтобы бежать к ней, уходил все дальше и дальше от нее, не был рядом, не мог защитить, не мог закрыть ее собой, не мог отвести смерть своим клинком... Хорошо еще, что Кристо оказался отличным попутчиком. Не помню, сколько раз я срывался и начинал на него орать. Один раз я его сильно избил всего лишь за то, что он поспорил со мной о времени ночевки. Потом долго просил прощения – не столько у него, сколько у себя, я сам себе стал омерзителен... Кристо – тот как раз все понимал правильно. И еще многое было неприятно, тяжело, а то и страшно вспоминать. Земли, по которым мы пробирались, были не слишком гостеприимны к людям даже без урса...

– И куда мы теперь пойдем? – спросил Кристо. – Искать твоих?

– Да, – я вздохнул. – На восток. И как можно быстрее, Кристо. Я очень, очень устал, дружище...

– Понимаю, – серьезно сказал он.

Раздвигаю я ветви взглядов,
И слова, как листва, шуршат,
Я туда, где мне будут рады,
Хоть встречать меня не спешат.
И не ставят на стол закуски,
И не льют, как вино, речей.
А встречают там безыскусно,
Словно ранней весной грачей.
Серые облака, белые от гусей,
Итака, Итака – я твой Одиссей.

Слишком долго бродил я где-то,
Где был нужен, хотя не мил.
Там я бросил чужое лето,
Там весну не свою забыл.
Там я спорил о том, что ясно,
И не верил словам детей.
Был я грешным, святым и разным
И терялся в сетях путей.

Мне вернуться давно пора бы,
Не найти все равно руно,
Где мой остров? – Там будут рады,
Где мой остров или окно.
Буду долго стоять у двери,
Под последним своим дождем.
Я не верю, нет, я не верю,
Что меня там никто не ждет.

А. Дольский

Лотар Брюннер в своем дневнике писал правду. В этом мире Средняя Азия – сплошные степи серебристого ковыля.

Август был жарким, солнечным и с частыми теплыми дождями, шедшими чаще всего по утрам. А по ночам небо казалось засыпанным крупной солью почти сплошь. И часто-часто летели через эти россыпи длинные нити метеоров. Августовские звездопады. Загадывай – не хочу...

Мне ничего не хотелось загадывать. У меня оставалось одно желание. Уже давным-давно – только одно... Временами мне даже не верилось, что оно сбудется, что оно вообще может сбыться... У дороги, похоже, не намечалось конца, она разворачивалась, как серпантин, выпавший из небрежных рук – катится по полу, катится, катится...

Август. Дожди из звезд. Еще говорят, что каждая такая звезда – чья-то смерть...

Не люблю степи. Вообще не люблю больших открытых пространств. Я это давно понял, но оформилось окончательно это только здесь и сейчас. Наверху – небо, под ногами – земля с высокой редкой травой, вокруг – горизонт. Днем над головой – солнце, ночью – звезды и неспешно изменчивая луна.

Мы с Кристо почти не разговаривали. Топали себе и топали почти все время босиком, перебросив обувь через плечо. Как ни странно, ручьев и речушек в степи хватало (может быть, это и в нашей реальности так, не знаю, не был), а дичь, хотя и осторожная, все-таки от опытных охотников уйти не могла. Но степь дурманила, и мне стоило усилий напоминать себе, что скоро осень, а зимовать в степи я просто не умею. Кристо – тем более. Успеть бы добраться до Арала-Каспия к середине сентября – совсем бы хорошо...

– Там кто-то есть.

Кристо остановился и, пригнувшись, взялся за рукояти кинжалов, не сводя глаз с плоского пригорка за широким тихим ручьем, почти речкой. Я уже с минуту наблюдал за этим самым пригорком, не вполне уверенный в том, что вижу – движение разогретого за день воздуха или осторожное перемещение людей. Сейчас я практически убедился: два человека следят за нами. И это не урса точно. Но и встреча с белыми может оказаться совсем не безопасной...

– Два человека минимум, – тихо сказал я, обнажая палаш. – Держись сбоку от меня, – а про себя подумал, что стрелы, окажись там луки или арбалеты, я отобью.

– Эй, там! – крикнули по-немецки, и на фоне заходящего солнца, уже не скрываясь, выросли две фигуры. – Не беспокойтесь, мы не собираемся нападать! Кто вы такие?!

– Идем из плена на запад, к своим! – откликнулся я, не торопясь убирать оружие. Тем более что двое парней, спускавшихся по склону холма, тоже держали его в руках. Еще несколько шагов – на их лица легла тень, и я изумленно разжал пальцы, роняя палаш; судорожным движением перехватил его на лету...

Этот мир не меняет внешность людей, и это хорошо, потому что иначе я не узнал бы человека, с которым мы виделись один раз почти пять лет назад и говорили всего несколько часов. Передо мною стоял Йенс Круммер, «комиссар» немецкого конунга Гюнтера. А чуть сзади и сбоку от него совершенно растеряннo и глупо улыбался Андрюшка Альхимович.

* * *

– Значит, твои все погибли.

Мы сидели у небольшого жаркого костра – костра ни за чем, ради живого огня – было достаточно тепло. Йенс кивнул:

– Да. Последние – почти два года назад... – Он погладил ладонью свой недлинный меч. – Почти два года назад, – повторил Йенс. – Как раз тогда нас Андрей, – он кивнул на Альхимовича, полулежавшего рядом с травинкой в углу рта, – нашел.

– Очень вовремя, – усмехнулся Андрей, и я с жадностью, почти неприличной повернулся к старому другу. – Но, если уж совсем честно, я никого не искал. Просто шел и шел на восток... Разозлился я, Олег. – Он положил ладонь мне на колено, сжал. – Извини.

– Да ладно. – Я смутился. – Сам дров наломал выше крыши... Такая поленница получилась – не разворошишь...

– Остались мы вдвоем, – продолжал между тем Йенс, глядя в огонь своими холодными, умными глазами. – Потом прибились к Игорю Комлеву, и сейчас с ним ходим. Мы тут дозором, а Игорек, – он указал рукой на северо-восток, – там, километров двадцать. – Он внезапно посмотрел на меня и спросил: – Ты что-то хотел сказать, Олег?

– Нет, – поспешно отозвался я. – В самом деле – зачем предлагать уйти со мной в неизвестность, если у них тут есть налаженный мир, новые друзья... девчонки, может быть... Я все-таки попытался перехватить взгляд Андрея. Но он смотрел в степную темноту, полную немолчным треском ночных насекомых...

– Город Света есть... – задумчиво сказал Йенс.

– Да, – подтвердил я и невольно содрогнулся. Йенс заметил это и спросил негромко:

– Страшно вспоминать?

– Угу. – Я кивнул и признался: – Каждую ночь снится, Йенс. В холодном поту просыпаюсь.

Мы сидели плечом к плечу на склоне холма, одинаково обняв колени руками и поставив на них подбородки. По босым ногам гулял ночной ветерок. Вдали гудела степь – шел волной табун диких коней. Костер в низине догорал; Андрей и Кристо спали. А мы никак не могли договорить – и это было тем более странно, что разговор был ни о чем. Точнее – о вещах очевидных.

– Тебе везет, – задумчиво сказал Йенс. – Выжить после таких ран, в таких условиях... Скажи, Олег, с кем ты разговариваешь, когда гредишь?

– С Арагорном, – не задумываясь, ответил я. – ЧТО?!

Йенс тихо засмеялся:

– Спокойно, спокойно... А ты думал, у тебя одного есть *советник*? Нет уж...

– А что, у всех? – удивленно спросил я.

Йенс покачал головой:

– Даже не у одного из десяти. У немногих... Я догадался, потому что... потому что догадался. Арагорн – король из книг Толкьюна? – Он произнес фамилию Толкиена на немецкий лад.

– Да, – подтвердил я. И, помедлив, спросил: – А с кем говоришь ты, Йенс Круммер?

– С Зигфридом, – не удивился Йенс, поднимаясь на ноги. Он развел руки в стороны, потом – приложил кулак ко рту – и в ночь рванулся резкий, переливчатый волчий вой самца-одиночки.

Опять, опять! Пожалуйста – молчи!
Когда луна парит холодной птицей,
Вы слышали когда-нибудь в ночи
Простую песню серого убийцы?

Рука сама хватается за нож.
Ужель, почуяв близость человечью,
Он злобно вспомнил, как хлестала дрожь
Его подругу, сбитую картечью?

А может быть, он плачет на луну,
Поняв беду совсем иного рода:
Мы все обречены на тишину
За горькой гранью нашего ухода.

Но, словно пропасть гулкой синевой
Иль ночью в чаще огонек случайный,
Тревожит душу этот жуткий вой
Какой-то смутной и запретной тайной.

Что знает он о звездной глубине,
Так безнадежно в песне муча горло?
Какая боль, невыносимая мне,
Такую муку из него исторгла?

Как будто ветер в ивах раскачал

Глухое тело мертвого рассвета...
Такой тоски я в людях не встречал —
Но, может быть, они скрывают это?!.

И. Басаргин

«Чайка» — точно такая же, как черноморская — шла примерно в полукилометре от берега, и звонкий, сильный голос мальчишки, державшегося рукой за нос, донесся до нас отчетливо:

— Эй, кто там, на берегу?!

— Дед Пихто, — буркнул я по-русски. Кристо, раздувавший костер, даже головы не повернул. Я поднялся и крикнул: — Свои! Куда плывете, казаки?!

— Есть свои свои, а есть свои чужие! — заорали с «чайки», но со смехом, и кораблик резко изменил курс. Ветерок развернул флаг — черное полотнище с золотым Андреевским крестом. Взмахивая веслами, «чайка» приближалась, и я уже различал любопытствующие загорелые лица по бортам.

— Не нападут? — тихо спросил Кристо, внешне совершенно спокойно занимаясь костром.

— Увидим, — процедил я, а про себя подумал, что ничего глупей и не придумаешь: добраться до Каспия и погибнуть в схватке со своими же, русскими... Я подошел к самой кромке воды и, широко расставив ноги, упер руки в бока, рассматривая приближающуюся «чайку».

Истошный, испуганный визг с казачьего кораблика заставил меня несолидно присесть. А потом послышался вполне членораздельный, но не менее испуганный вопль:

— Не надо! Не приставайте! Это мертвец!!!

Уговорить казаков причалить мне удалось через полчаса — после того, как я, угорая от смеха, тщательно ответил на все вопросы перегнувшейся через борт Наташки Крючковой и поинтересовался, куда она дела Франсуа.

* * *

— Нет, на Кавказе твоих уже давно нет. — Франсуа покачал головой. Наташка, улыбаясь, подлила мне чаю и села рядом с французом, чья сломанная нога гордо возлежала на удобном камне. — Как ты пог... пропал, они тебя искали, но не так чтобы активно... Погоди, Олег, — попросил он меня, хотя я и не думал подавать голос. — Там же все ясно было. Я сам на той тропе был. Свои трупы они свалили в ущелье, твой, ясное дело, съели... — Мы оба расхохотались. Наташка дала Франсуа подзатыльник. — Ну и через две недели после твоей... гибели они ушли. Вадим их увел.

— Куда? — спросил я.

— На Балканы или в Карпаты... — Франсуа задумался, уже уверенно повторил: — Да, в Карпаты, Олег, точно. А мы перебрались на Каспий, вот, с местными плаваем...

— Сможете доставить меня к устью Куры? — поинтересовался я.

Франсуа вздохнул:

— Да сможем, о чем речь... Но понимаешь, осень, там, на Черноморском побережье, ты вряд ли кого найдешь, а местные ребята вряд ли тебя в Средиземку...

— Значит, пойдем пешком вдоль побережья, — отрезал я.

Франсуа, кажется, еще хотел что-то сказать, но Наташка пихнула его в бок, и он махнул рукой:

— Ладно. Завтра и поплывем, чего тогда ждать...

— Франсуа, — тихо сказал я, — ты за это время... ты о них, о наших, ничего не слышал? Хотя бы краем уха?

– Нет. – Француз развел руками и поспешил меня ободрить: – Да найдешь ты их, обязательно найдешь! Вон ты сколько отшагал – ну, зря все это, что ли?!

– Надеюсь, что не зря, – согласился я. – Было бы чертовски обидно, окажись... по-другому. Голова у меня, если честно, кругом идет, Франсуа, – признался я. – Несет меня куда-то, несет...

– А это ничего. – Франсуа пожал, нагнувшись, мой локоть. – Принесет куда нужно...

Мы сидели на плоской каменной террасе, с которой открывался вид на лагерь казаков. Внизу на несколько голосов пели ухарски:

– Вражью силу одолели —
эх! —
Астраханцы д'молодцы!

– Стой, погоди! – Франсуа звучно шлепнул себя по лбу. – У меня же для тебя подарок есть! Ты, я помню, огнестрел какой-то имел?

– Да было. – Я махнул рукой. – Наган был. Только он далеко, патроны-то еще в первый год кончились...

– Наган, говоришь... – Франсуа кивнул. Поднялся и, подхватив костыль, шустро зашкандыбал куда-то прочь, бросив: – Погоди, я сейчас.

– Куда это он? – спросил Кристо. Наташка махнула рукой:

– Сейчас придет... Ешьте вон давайте.

Франсуа в самом деле вернулся довольно быстро и высыпал на неровную поверхность самодельного стола десять тяжело стукавшихся коробок промасленно-бумажного цвета. Я хмыкнул, придвинул к себе одну, вслух прочел:

– 7,62x39 наган, 12 штук... – вскинул глаза на Франсуа: – Патроны к нагану?! Сто двадцать штук, целое богатство!

– Бери, – он сделал щедрый жест. – Может, еще когда доберешься до своего револьвера, где он там у тебя, этого тебе надолго хватит...

– Откуда? – уточнил я.

Франсуа вздохнул:

– Да печальная история вообще-то... Год назад были мы на соляных полях, я тогда еще сам по себе, без казаков, гулял. Наткнулись на ребят – четверо, мертвые уже все, а сколько лежат – там не поймешь, просоленное все... Наверное, от жажды умерли. Ну, мы их хоронить, а из сумки у одного пачки эти посыпались. Оружие все негодное, соль поела, а пачки сам видишь – промасленные навывлет, уцелели... Хотя, – он снова вздохнул, – если честно, так я не знаю, все ли патроны сработают. И сработают ли вообще.

– Ну – проверим как раз, – пообещал я, сгребая пачки в вещмешок. – Спасибо, Франсуа!

– О чем разговор! – широко улыбнулся он.

* * *

Воду у берега сковал лед – тонкий и прозрачный. Дул резкий холодный ветер, грозно стонали на перевале сосны. Километрах в трех над берегом шел серый дождевой заряд.

– Холодно, – сказал Кристо. Он подошел ко мне, оскальзываясь на покрытых пленкой льда камнях. – Мы пойдем дальше?

– Да, сейчас. – Я тряхнул головой, отгоняя наваждение – мне показалось на миг, что берегом идут несколько человек – как, бывало, ходили тут наши девчонки, чтобы надрать мидий.

– А в вашей пещере точно есть кто-то? – Кристо вытер перчаткой мокрое от соленых брызг лицо.

– Не знаю, – грубовато отрезал я, и Кристо обиженно на меня поглядел. Мне не хотелось объяснять, что теплится во мне какая-то болезненно-идиотская надежда: вот сейчас подойду к пещере, а наши все – там и ждут меня... обязательно ждут.

– Пошли, – почти приказал я и, отвернувшись от мрачающих на глазах вод залива, первым двинулся в сторону перевала... того самого, с которого – четыре года назад! – Сергей крикнул: «Ёлки, море!»...

На перевале стоял крест. Очевидно, в солнечные дни – особенно при восходе – его хорошо было видно снизу, летящим черным силуэтом в небе, но сейчас я понял, что это не дерево, только когда мы поднялись на две трети склона.

– Это вы поставили? – Кристо приостановился, оглянулся – он лез впереди – на меня.

Я покачал головой:

– Нет, при нас этого не было...

Крест рос в хмуром небе – казалось, он раздвигает серую пелену, нависшую над землей, черным разрезом. Теперь я видел, что вокруг креста – на высоту половины человеческого роста – насыпаны черепа. Множество, не меньше двухсот. А когда мы подошли ближе, то стало видно, что это низколобые, со скошенной челюстью, черепа урса.

– Кто-то хорошо погулял, – заметил Кристо, трогая носком сапога один из черепов – расколотый наискось. Я наступил на другой череп, побалансировал, находя равновесие, подался вверх-вперед, потому что на кресте что-то было написано.

На перекладине все еще поблескивали вбитые в дерево серебряные полоски букв. Это был чешский, и я, сосредоточившись и беззвучно шевеля губами, начал вчитываться в странно звучащие на слух, но знакомые слова...

18 мая 1990 года

ЗДЕСЬ,

на этом перевале,

одержав победу над врагом в бою,

ПАЛ

князь Борислав Шверда.

(р. 1965 г.)

Ниже – на опоре креста – шли колонкой одиннадцать имен и фамилий с датами.

– Ты его знал? – тихо спросил Кристо.

– Да, – машинально ответил я, всматриваясь в имена и фамилии – наших вроде бы не было, но кое-кого я, кажется, вспомнил. – Это чех, его крепость была в скалах... – Я махнул рукой: – Там, не очень далеко. Мы вместе сражались... Май 90-го – это как раз когда мы начинали битву на Кавказе... Жаль. Он был хороший парень. Спокойный и твердый, как эти скалы... Пойдем, Кристо.

Мы обошли крест. Тропинки, который мы, бывало, выходили на перевал, просто не существовало – она лежала внизу грудями щебня. Похоже, Ян взорвал ее порохом... Но с тех пор появилась еще одна – петлей спускавшаяся в долину с другой стороны. И я вздрогнул, увидев над ней – на черно-зеленом диабазе, – белесые штрихи букв, складывавшиеся уже в русские слова...

Зимой 91-го зимовали в нашем месте.

Ушли в мае на северо-восток, если кому интересно.

Люди отряда «НОРД» (вятичи с Тамбовщины).

– Полгода назад! – вырвалось у меня. – Полгода назад!

– Это твои? – быстро задал вопрос Кристо. Шмыгнул носом.

Я кивнул:

– Мы как раз встретились с Саней на Тихом, когда они отсюда ушли... Опоздал я.

Кристо тронул меня за плечо:

– Если хочешь – мы пойдем по их следам. Они ведь должны были где-то остановиться на зиму...

– Пошли к пещере, – вместо ответа сказал я. И только когда мы миновали надпись, добавил: – Нет, Кристо. Мы зазимуем в пещере. Идти сейчас на север – это идти навстречу зиме...

* * *

То, что пещера обитаема, стало мне ясно задолго до подхода к ней – пахло дымом. Я заметил, что и Кристо начал озираться, взявшись за оружие. Но характерных для урса следов – отходов, мусора, ломаных кустов – не было, и я немного успокоился, хотя оружия не выпустил. Кристо, повинуясь моему сигналу, сместился в тыл и чуть вправо. А я уже не сводил глаз с прохода.

Нас, наверное, заметили еще раньше. Едва ли очень обеспокоились – ясно было, что нас всего двое, и едва ли мы имели очень уж грозный вид (дождь нас наконец-то догнал и накрыл сплошным холодным потоком), – но, когда оставалось метров сто до прохода, навстречу вышел мальчишка в кожаном широком плаще, с непокрытой головой. По длинным белесым волосам сбегала вода. Широко посаженные в стороны от курносого носа светло-синие глаза со скуластого лица смотрели спокойно и внимательно. В руках оружия у него не было, но плащ – отодвинут назад так, что я видел левую руку, лежащую на рукояти тяжелого прямого кракемарта. «Финн, скорее всего, – подумал я и тут же заметил вышитый на широком поясе узор в виде утиных следов. – Точно – финн».

– Терве, – припомнил я словечко, медленно протягивая навстречу ему обе руки ладонями вверх.

– Терве туоло, – неспешно кивнул финн, осматривая нас. Потом заговорил, но, видя, что я не понимаю, спросил на неплохом чешском: – Ты чех? Словак?

– Я русский, – покачал я головой. – Мы жили здесь... давно... – Я с трудом подбирал чешские слова, но финн, усмехнувшись, остановил меня:

– Я знаю русский... В это... эту зиму тут жили русские. Когда мы пришли, их уже не было...

– Это мои друзья, – сказал я, опуская руки. – Мы долго не виделись.

Финн свел широкие рыжеватые брови:

– О, тебе не повезло немного. Проходи и ты, и твой друг. Если вам надо – вы будете зиму жить здесь. Или совсем останетесь. Если хотите.

– Скажи... – я помедлил. – Чехи – тут, в горах – еще живут?

– Живут, – кивнул финн. – Но там мало чехов. Совсем мало. Много из других мест. Мы вместе обороняемся... А там, – он махнул на юго-восток медленным, плавным движением, – поселились испанцы. Они пришли вместе с нами... Так проходите же. Плохая погода...

* * *

В пещере мало что изменилось. Может быть, поэтому я не ощутил себя тут чужим – Кристо задержался у входа, тщательно опуская занавесь, а я, кивнув всем, прошел к огню, раздвигая шнуровку плаща.

На нас смотрели около тридцати пар глаз – в основном это были финны, причем ярко выраженные, но виднелись и другие. Сопровождавший нас часовой (он, оказывается, не один там дежурил) подошел к сидевшему на чем-то вроде кресла, обтянутого шкурами, рослому парню – тот не перестал отбивать брусом длинный палаш, упертый в шкуру между широко расставленных ног, но, когда часовой закончил короткий тихий доклад и вышел, парень поднял на нас лицо.

Это тоже был финн. Но его наципринадлежность я определил позже. А в тот момент мне бросился в глаза страшный шрам, уродующий лицо этого парня – лет четырнадцати-пятнадцати. Правого глаза у него не было – кожаная повязка закрывала эту сторону. Из-под нее шрам, проложив жуткий провал в переносице, спускался, грубо расширяясь, на левую скулу, прерывался – и, очевидно, переходил на левое ухо, мочка которого была срезана.

– Меня зовут Хааhti Салоранта, – сказал финн на безупречнейшем русском. – Я вождь этого племени. Так ты жил здесь?

– Меня зовут Олег Верещагин. – Я отсалютовал вскинутой рукой с перчаткой. – А со мной Кристо Ириди, он грек. Мы бежали из плена больше года назад и странствовали – сперва чтобы сбить погоню со следа, потом я искал своих. Они были здесь. Весной я вновь отправлюсь в путь, а сейчас – может быть, вы позволите мне и моему другу остаться у вас?

– Конечно, – кивнул Хааhti.

– Тогда... – я помедлил. – Тогда я хочу просить позволения взять здесь одну вещь, которую оставил когда-то.

По кругу сидящих у огня парней и девчонок прошло любопытное движение. Сдерживая внезапно возникшую нервную дрожь, я подошел к лежакам «для мальчиков» – они остались на прежнем месте и были те же самые, только кое-где настил поменяли, – испытывая странное чувство уже бывшего (кажется, оно называется «дежавю»). В голове почему-то со стуком в ритме сердца колотились строчки:

...никогда не возвращайтесь
В прежние места...

Я приподнял край настила. Удерживая его левой рукой, правой достал дагу, несколько раз стукнул яблоком по размазанной у самого пола глине – она отвалилась кусками, открыв каменную забивку, которую я расковырял наконечником ножен. Убрав дагу в перевязь, я запустил руку в открывшуюся неровную дыру – и пальцы мои наткнулись на холодную кожу.

При общем нетерпеливо-удивленном молчании я достал кобуру, с которой свисал ремень с пустым патронташем. Отпустил топчан. Повозившись с клапаном – кожа высохла и потрескалась – я достал, пачкая пальцы салом, наган.

– Ого... – выдохнул кто-то. Электрической искрой побежал по пещере удивленный шепоток.

– Я его оставил здесь тогда, перед уходом, – пояснил я, проводя пальцем по стволу. – Кончились патроны... А сейчас я снова ими разжился – буквально чудом.

Хааhti, все это время наблюдавший за мной цепким холодным взглядом, кивнул:

– Бери свою вещь... Садитесь, грейтесь и ешьте. Мы рады вам.

* * *

К вечеру дождь перестал. Но ветер не унялся – сильнейший и плотный, он как будто стал еще свирепей, неся над Карпатами, срывая с карнизов и склонов камнепады. Небо очистилось, на нем горели, почти не мигая, страшные крупные звезды. Похоже было, что под утро придет настоящая зима...

Но в пещере, как и положено, было тепло, светло и весело. Не знаю, то ли хозяева каждый день так ужинали, то ли отмечали что-то, то ли дали пир в честь нас – но я не ел так уже давно. Кристо вообще расслабился полностью – он сидел рядом с какой-то девчонкой (не финкой, кажется) и то и дело принимался болтать с ней, а потом они вместе хохотали. Глаза у Кристо блеснули, и я вдруг подумал, что весной оставлю его здесь. Зачем и куда ему тащиться? Каждому свое...

Шум слегка утих – на свободное место вышел и сел, скрестив ноги, один из мальчишек (нам всех представляли, но я никого не запомнил – мысли были напрочно заняты другим). Положил на расставленные колени кантеле – музыкальный инструмент вроде гуслей, у меня еще была в свое время книга финских и карельских сказок, которая так и называлась: «Кантеле». И сейчас есть. *У меня...*

Я не знал финского. Но песня, которую он запел, звучала красиво, незнакомые слова складывались в ритмичные строки, набегавшие друг на друга, словно волны прибоя. Все молчали, слушая парнишку – в точности как и мы слушали, когда пел Север или кто-то из девчонок.

Сидевшая рядом со мной слегка веснушчатая, но в общем-то очень симпатичная девица, чуть наклонилась – очевидно, заметила, что я не понимаю, и решила сыграть роль переводчицы. По-русски она говорила так себе («очень не очень»), но я понимал...

Смелый мальчик был князем своего племени, а красивая девчонка верно его любила. Они вместе шли по воюющим землям навстречу опасностям, рука об руку сражались с врагом и бесстрашно смотрели в глаза смерти, заставляя ее отступать. Но настала тяжелая зима, и тоска вошла в сердца людей. Они обвинили своего князя в том, что он привел к ним беду, хотя был он не только их князь, но и их друг. Тогда мальчишка и девчонка ушли прочь, и племя распалось. Они поселились в далекой земле, где нет боли и крови, где можно отложить в сторону клинок и, ложась спать, знать, что проснешься живым. Там они и жили – долго и счастливо. Но однажды на остров, где они нашли приют, добрался один из их друзей – опомнились те и хотели, чтобы их вождь вернулся. И девчонка с мальчишкой, оставив свое спокойное счастье, вернулись в мир войны и встали плечом к плечу с друзьями. Снова были бои – и вот мальчишка-вождь попал на лесной тропе в предгорьях Кавказа в засаду урса. Их было сто. А он – один... Но упал он последним – и никто из черных так и не смог похвастаться победой. Друзья похоронили павшего над тропой. А девчонка над свежей могилой подняла клинок и поклялась на светлой стали помнить и мстить.

С тех пор ее видели во многих местах. Она всегда одинока. И немного найдется тех, кого так же боятся урса...

Певец давно вернулся на свое место, и пир вновь забушевал (иначе не скажешь), а я все сидел на своем месте, глядя в одну точку – в огонь. И не сразу понял, что Хаахти обращается ко мне:

– А ты не хочешь спеть?

– Я? – вопрос застал меня врасплох. Все одобрительно загудели. – Вы хотите, чтобы я спел? – Когда все снова закивали и загалдели, я растерянно пожал плечами и, взяв протянутое кантеле, поставил его на колено. Попробовал – это немного походило на «инструмент» Игорька Басаргина. Я устроил кантеле удобней. Левой рукой – сгибом указательного пальца – потер губы. – Я буду петь по-русски. Это песня одного нашего автора. Очень хорошего автора...² Я только не очень хорошо играю... и пою.

С этими весьма обнадеживающими словами я положил пальцы на струны.

– Мой конь притомился, стоптались мои башмаки...

Куда же мне ехать? Скажите мне, будьте добры.

– Вдоль красной реки, моя радость, вдоль красной реки,
До синей горы, моя радость, до синей горы.

– А где те гора и река? Притомился мой конь...

Скажите, пожалуйста, как мне проехать туда?

² Отношение автора книги к Б.Окуджаве вот уже много лет резко отрицательное. Но советскому мальчику Олегу из 80-х годов Окуджава очень нравился.

– На ясный огонь, моя радость, на ясный огонь,
Езжай на огонь, моя радость, найдешь без труда.
– А где ж этот яркий огонь? Почему не горит?
Сто лет подпираю я небо ночное плечом...
– Фонарщик был должен зажечь, да, наверное, спит,
Фонарщик-то спит, моя радость... А я ни при чем...
...И снова он едет один без дороги во тьму.
Куда же он едет, ведь ночь подступила к глазам?..
– Ты что потерял, моя радость?! – кричу я ему.
И он отвечает: «Ах, если б я знал это сам...»

* * *

Ветер улегся. Земля стала железной – грязь схватило моментально, того и гляди – ноги поломаешь. Мороз ахнул моментально – и немаленький.

Я сидел над пещерой и дышал, откусывая зубами ледяной воздух. Мне было холодно, но я упрямо дышал и не двигался.

Больше всего хотелось плакать. Но это у меня давно не получалось. То ли я себя приучил, то ли мир вокруг приучил меня. А вот сейчас и надо бы, и хочется, а не выходит...

Я достал наган, очищенный за вечер от сала. С журчанием покрутил барабан и начал снаряжать его патронами. Над горами страшно, немигающее горел глаз Венеры.

Хааhti подошел неслышно. Набросил мне на плечи пушистый меховой плащ и сел рядом.

– Я догадался – песня о тебе, – сказал финн.

Я убрал револьвер, застегнул теплую и упругую от новой смазки застежку:

– Обо мне. О нас. Только она неточная. Урса было не сто, а всего четырнадцать. И я не погиб. Те, которые пришли потом, взяли меня в плен и отдали в рабство... А я, кажется, знаю тебя. Ты – тот самый финн, который попал сюда в начале века?

– Да. – Хааhti кивнул. – Кто тебе рассказал обо мне?

– Йенс Круммер, – ответил я. – Помнишь такого?

– А, немец... Встречались. Он еще жив?

– В августе был жив, сейчас – не знаю... Послушай, ты прожил тут почти век. Скорей всего – не прятался по болотам и лесам. Так, может быть, ты мне скажешь наконец, какой во всем этом смысл?!

Очевидно, эти слова у меня вырвались со злостью. Хааhti хмыкнул, достав финку из-за сапога, начал подбрасывать ее на ладони.

– Ты знаешь о Городе Света?! – так же зло задал я еще один вопрос.

Финн нехотя кивнул:

– Да знаю я... Был там и бежал... А ты думал, тебе одному повезло?.. Ну – Город Света, ну и что? Думаешь, арабы всем заправляют? По-моему, они как крысы, которые живут в брошенном людьми доме...

– А ты знаешь, что отсюда можно вернуться домой? – задал я новый вопрос. Хааhti кивнул. – А знаешь – как? – спросил я еще. Хааhti вновь наклонил голову; его молчаливость стала меня бесить. – А знаешь, что твоя Финляндия давным-давно не отсталая губерния России, а очень даже высокоразвитая страна? – Финн кивнул опять. – И считаешь, что за сто лет не заслужил права вернуться?

– О чем ты говоришь? – Хааhti погладил ладонью рукоять своего палаша, сделанную (я только теперь заметил) в виде двуглавого орла. – Разве такое возвращение – заслуга? Это смертная казнь длиной в жизнь. Если, конечно, у тебя есть совесть... У тебя она, кажется,

есть. Только не уходи сейчас. В горах везде лед, это опасно. Утром девчонки тебя соберут в дорогу.

Я не удивился этим словам. Странно – еще секунду назад я не собирался никуда уходить. На самом деле не собирался. И вдруг это стало само собой разумеющимся. Похоже, Хааhti просто высказал то, на что я уже давно решил подсознательно.

– Я оставлю Кристо, – ответил я. – Похоже, ему понравилась одна из ваших девчонок.

– Пусть остается, – кивнул Хааhti, – конечно. А теперь вставай. Тут холодно.

Я поднялся, одной рукой придерживая на груди плащ. Хааhti тоже встал.

– Послушай... – Я повернулся к нему и встретился глазами с его взглядом. – Неужели тебе никогда не хотелось сломать эту клетку?

– Хотелось, – спокойно подтвердил финн. – *Хочется*. Только я не знаю – как.

* * *

Кристо проводил меня до морского берега, дальше, чем все остальные. Утром, когда Хааhti сказал, что я ухожу, он тоже начал было собираться, но как-то замедленно, а я поймал отчаянный взгляд, которым Кристо обменялся с той девчонкой (ее звали Вильма ван Клейхен), – и понял, что не ошибся. Такое бывает – «с первого взгляда». И я был рад, что так получилось у Кристо. Это поможет ему окончательно преодолеть память о страшном и унижительном рабстве.

Когда я объявил о своем решении, Кристо не смог даже сдержать радость. Но сейчас как-то угас, молчал всю дорогу и то и дело шмыгал носом.

– Все. Дальше не надо. – Я остановился.

Кристо покорно встал тоже. И вдруг сказал, наклонившись и подобрав гальку:

– Я пойду с тобой. Так нельзя.

Чего-то подобного я ожидал, поэтому ответил спокойно:

– Сам пойдешь со мной, а сердце оставишь здесь? Не лучший вариант... Нет уж, Кристо. Оставайся здесь сам. Рядом со своим сердцем. Они хорошие ребята, и тебе будет с ними хорошо тоже.

– А ты?! – вырвалось у него.

Я пожал плечами:

– А я найду своих.

– А если... – начал Кристо, но я покачал головой:

– «Если» – это не для меня. Может быть, мы когда-нибудь еще встретимся, Кристо.

Он неожиданно обнял меня. Кристо был немного ниже ростом и уткнулся виском мне в подбородок, шепча:

– Я никогда... никогда не забуду, что ты для меня сделал... прости меня, что я... остаюсь...

Я отстранил его и улыбнулся. По щекам грека сползали блестящие дорожки слез. Но, увидев мою улыбку, он тоже улыбнулся дрожащими губами.

– Ну вот. Говорить друг другу «до свиданья» надо именно так. С улыбкой.

Я повернулся и пошел вдоль берега...

Когда я прошел около километра и оглянулся – Кристо все еще стоял на берегу.

* * *

Лихорадочное нетерпение подгоняло меня, словно кнутом. «Позади» не было – оставалось лишь «вперед», и я гнался за этим «вперед», намереваясь или догнать свою прежнюю жизнь – или, черт побери, свалиться замертво, пусть так!

«Никогда не возвращайтесь

В прежние места...» – повторял я слова, узнавая горы и долины, мимо которых шел.

Я решил завернуть к чехам. Нет, не из ностальгии, а просто в надежде что-нибудь узнать новенькое – обо всех вообще, не только о наших... но о них – особенно. Может быть, Юлия знает точно, куда Вадим увел наших?

Холодало резко, пронзительно, временами начинал идти снег, но я не боялся сбиться – уж эту-то дорогу я знал хорошо. Где-то в этих местах я встретил Богуша. Где-то здесь погибла Ленка Рудь. Где-то высится курган над кострищем, огонь которого поглотил Свена.

Чутье меня не подвело. Снег улегся, ветер раскачивал черные деревья в роще, за которой начиналась крепость чехов – я видел крутую узкую тропу даже через рощу, насквозь. И не остановился, выйдя на опушку рощи, – наоборот, прибавил ходу, по колено проваливаясь в снег, вылез на тропинку, ведущую напрямик к скалам.

Меня опять заметили издалека. Я вступил на горную тропу, а где-то впереди загудел рог – тут к обороне относились явно куда серьезней, чем у Хаахти. Я откинул капюшон и, подняв лицо, на миг задержал шаг, чтобы дать себя рассмотреть. Шагнув дальше, я увидел – от скал в полутора километрах от меня, за которыми начинался подъем к пещерам, отделились два человека и неспешно пошли навстречу. Ветер относил в сторону их плащи, и мне казалось, что идущие взмахивают крыльями.

Они остановились, пройдя до начала резкого подъема, – и это был четко рассчитанный психологический эффект: поднимающийся видел растущие в небе неподвижно-вооруженные фигуры. Один из мальчишек опирался на боевой топор, другой держал ладонь на рукояти шпаги. Оба были в жестких просоленных кирасах, подбитые мехом внутри плащи украшали белые львы, но ни того, ни другого я не знал.

– Кто ты? – Тот, что с топором, поднял руку в высокой трехпалой краге. – Назовись!

Он говорил по-немецки. Я махнул в ответ руками накрест над головой и отозвался на том же языке:

– Я Олег Верещагин. Мы были знакомы с вашим князем Бориславом Швердой, я знал и многих других ваших людей! Скажите, кто сейчас правит у вас?

– Княгиня Юлия, – отозвался немец.

Я встрепнулся:

– Девушка Борислава?! Я хочу говорить с ней!

– Она будет говорить с тобой, – кивнул страж. – А твое имя мы знаем.

– Пусть отдаст свое оружие, – сказал по-чешски второй страж.

Я не двинулся с места, но ответил:

– Я пришел к друзьям и не сдам оружия.

– Не надо, Габо, – покачал головой немец. – Пусть идет так. Он и правда друг.

* * *

В пещерах царило обычное влажноватое тепло, заставлявшее факелы потрескивать и плеваться смолой. Обо мне, наверное, уже сообщили, потому что, когда я вошел в сводчатый зал, там было уже светло. Юлия сидела на каменном троне, держа на широко расставленных коленях меч. Больше в зале никого не было, только слева от трона стоял хмурый рыжеволосый атлет, опиравшийся на топор. Он смерил меня прозрачным и ничего не выражавшим взглядом синих глаз, между тем как Юлия улыбнулась, и ее точеное холодное лицо ожило.

– Я тебе рада, Олег, – мелодично прозвучал под каменными сводами ее голос. – Нам сообщили, что ты погиб, хорошо, что это оказалось ошибкой... Спасибо за весть о брате.

– Княгиня... – на ходу сбрасывая мешок, я подошел к трону и, опускаясь на колени, поднес к губам узкую, с длинными пальцами ладонь Юлии. От нее пахло снегом и холодной водой. Я поднял глаза. Юлия улыбалась.

– А ты все тот же, Олег, – заметила она.

* * *

Хорошо натопленный камин выгнал из комнаты Юлии сырость. Пламя гудело в дымоходе, бросало отблески на развешанное по стенам оружие, золотом искрилось в ворсе мехов. На широком каменном столе стояли блюда с жареной свининой, нарезанным луком, лепешками, высокий кувшин с вином и две глиняные кружки.

Я сидел у стола, облокотившись на него и вытянув ноги почти до ложа, на котором боком устроилась Юлия. Мы разговаривали уже несколько часов.

– Наших осталось мало. – Юлия чуть запинаясь, она хорошо выпила. – Но все, кто приходит сюда, ничего не имеют против того, чтобы подчиняться мне. Нас сейчас почти семьдесят. Последними пришли несколько шведов...

– Этот парень у твоего трона – швед? – Я отхлебнул немного из своей кружки.

– Да, это Кнут Йост... Не думай, Олег, он просто возглавляет оборону. Я и сама бы справилась, но это дело парней... Мне хватает забот по хозяйству.

– Хорошо, что Танюшка жива, – вновь вернулся я к тому, с чего мы начинали разговор и снова пережил почти оглушающее облегчение, которое испытал в тот момент, когда Юлия ответила на мой вопрос о том, была ли тут зимой с нашими Татьяна. – Они не говорили точно, куда пойдут? Там написано на скале, что просто на северо-восток...

– Они собирались под Псков, – ответила Юлия и, сев прямее, налила себе еще вина. – Ты, конечно, не захочешь остаться и догонишь их, может быть, еще до конца года. Будешь со своей зеленоглазой... А мой Борислав... – Она вдруг заломила руки в нешуточном жесте отчаянья. – Мой Борислав ушел, а меня оставил – оставил меня этой бесконечной череде бегущих дней, этой вечности без него, этой пытке...

– Юля... – я протянул руку, тронутый жалостью. – Юля, что ты...

Она оттолкнула мою ладонь, резким движением подхватила кружку и осушила ее до дна. Хотела налить снова, но я отодвинул кувшин, и Юлия, промахнувшись, вновь откинулась на шкуры. Несколько секунд ее взгляд блуждал по комнатке, потом твердо остановился на мне.

– Я завидую тебе, – раздельно сказала она. Ее пальцы дергали шнуровку на груди куртки. – И Татьяне твоей завидую... Я не прошу тебя не уходить, я не прошу остаться... Я прошу только одну ночь...

Глядя мне прямо в лицо, она рывком распустила шнуровку до конца и нетерпеливым движением освободилась от куртки до пояса.

У меня не было девчонки полтора года. А теперь представьте себе, что обалденно красивая девица вот так раздевается перед вами, недвусмысленно объясняя, чего ей хочется. Представили?

– Я ненавижу его за то, что он ушел, – горячечно бормотала Юлия, стягивая узкие сапоги с цветными отворотами. – Он не имел права оставлять меня... Теперь он мертв, а я осталась... Иди сюда, Олег!

Она встала передо мной – совершенно голая, бурно дышащая и... очень, очень красивая. Я ощутил запах – почти непреодолимый, зовущий; я видел, как напряглись ее груди...

– Не надо, Юля, – попросил я.

Глухо зарывчав, она метнулась к стене. В тонкой, но сильной руке сверкнул длинный кинжал-квилон.

– Я убью тебя!

Опрокинувшись назад со стулом, я встретил Юлию толчком ног в живот – не ударом, нет, но толчка этого вполне достаточно оказалось, чтобы опрокинуть ее на ложе. Прыжком вскочив, подхватил квилон. Юлия пыталась встать, путаясь в мехах, и это зрелище возбудило меня так, что дыхание перехватило...

Барахтанья быстро иссякли. Едва ли у Юлии была привычка пить, а последняя кружка оказалась явно лишней.

Я убрал квилон на место и быстрым движением закрыл уже благополучно уснувшую девочку легким одеялом из пушистого меха. Нарочно медленно заставил себя собрать и разместить в надлежащем порядке свое оружие, поднял кресло. И тихо вышел наружу...

Сильнейший рывок за куртку на груди бросил меня к стене, потом перевернул – и возле моего горла оказалось лезвие тяжелого боевого ножа. Уперев колено между моих ног, рыжий Кнут Йост смотрел на меня бешеными глазами дикого зверя.

– Что ты с ней сделал, русский?! – прохрипел он, скручивая куртку на моей груди так, что прочная кожа затрещала. – Ну?! Говори?! – он перешел на шведский.

– Убери нож, – спокойно сказал я, не двигаясь с места и не пытаясь освободиться. – Тогда поговорим.

– Я зарежу тебя! – выдохнул он, тряхнув меня, как пойманного зверька.

– Убери нож, – повторил я. – Третий раз я просить не буду, и тебе действительно придется меня убить – или я убью тебя. Ну?

Бешеные глаза смотрели мне в лицо. Потом послышался тихий выдох – и нож с коленом отодвинулись. Чуть позже разжались пальцы на моей куртке.

Я расправил ее.

– Меня ждет девушка, – пояснил я. – А если тебе нравится Юлия, то скажи ей об этом. И поскорее. Ей нужен не начальник охраны, а парень, который сможет заменить Борислава... хотя бы отчасти. А теперь покажи мне, где можно лечь спать. Я очень устал – и хочу выйти рано, чтобы не встречаться с нею.

Молча, словно окаменев, Кнут провел меня на следующий ярус, в маленькую, но теплую комнатку, где все было приготовлено для сна и горел факел. Я начал снимать снаряжение, а швед все еще стоял у входа.

– Прости, я потерял голову, – вдруг сказал он. – Я люблю ее. Полюбил сразу, как только увидел, как только мы пришли сюда.

– Ничего, – отозвался я вежливо, но равнодушно. Мне вдруг стало пусто-пусто, потянуло то ли в сон, то ли в обморок. – Если можно, пусть меня разбудят, когда начнет светать.

– Хорошо, – сказал Кнут. Швед был умный парень – сразу вышел и прикрыл за собой дверь.

Я лег ничком. И обхватил голову руками, проваливаясь в какой-то бездонный колодец...

Ты у меня одна,
Словно в ночи луна,
Словно в году весна,
Словно в степи сосна.
Нету другой такой
Ни за какой рекой,
Нет за туманами,
Дальними странами.

В инее провода,
В сумерках города.
Вот и возшла звезда,

Чтобы светить всегда,
Чтобы гореть в метель,
Чтобы стелить постель,
Чтобы качать всю ночь
У колыбели дочь.

Вот поворот какой
Делается с рекой.
Можешь отнять покой,
Можешь махнуть рукой,
Можешь отдать долги,
Можешь любить других,
Можешь совсем уйти,
Только свети, свети!

Ю. Визбор

Костер прогорел, кажется, еще ночью. А под утро выпал снег, и я не сразу понял, что же на меня давит во сне и почему лицо мокрое?

Высвободив руки, я очистил от снега спальник и выбрался наружу. С вечера потеплело. В лес уныло вползал рассвет, но небо плотным слоем покрывали тучи.

Поеживаясь и зевая, я вытер лицо снегом и, не очень спеша, откопал свои вещи. Так же медленно скатал, вытряхнув, мешок, но в результате не так уж задержался и через каких-то десять минут неторопливо шел на лыжах по лесу, жуя кусок копченой свинины с прослойками жира.

Мне никогда не нравился зимний лес. Он притихший и мертвый – и в то же время так и кажется, что за тобой наблюдают, сверлят тебе спину взглядом, стоит отвернуться. Кроме того, велика опасность напороться на действительно опасных животных. Этот страх сидел во мне глубоко – очень глубоко, но волки были часто. Кроме того, позавчера я видел следы тигр-рольва...

Через час я вышел к реке. Похоже, это была Великая, если я правильно рассчитал свое движение. Покрытая снегом речная гладь тянулась передо мной влево и вправо; на той стороне по опушке казавшегося очень редким леса медленно и уныло шли несколько рыжих мамонтов; за ними трусили на расстоянии с дюжину волков. Нигде не было никаких следов человека.

Я подождал, пока уйдут животные. Тем временем вновь начал падать снег – крупными редкими хлопьями. Рассвело, но светлее стало не намного.

Я пошел по льду на север – по течению Великой, туда, где она впадала в Псковское озеро.

* * *

Был полдень, когда я наткнулся на три брошенных, полузанесенных снегом и разбитых урсаитянских каноэ. Наугад пару раз копнув снег веткой, я нашел несколько полусъеденных животными тел самих урса – судя по всему, их убили осенью. Наверное, вокруг тел лежало еще немало, но это меня уже не интересовало. Настроение поднялось – просто от одной мысли, что я тут не одинок. Едва ли те, кто уложил черных осенью, куда-то откочевали из этих мест на зиму глядя.

Я немного отдохнул, сидя на остатках одного из каноэ, – жевал мясо вновь и бездумно рассматривал реку, заштрихованную медленным падением снежинок. Капюшон я сбросил. Может быть, поэтому и слышал отрезанные от меня мысом звуки.

Прислушался. Да. Там лязгала сталь... а вот послышался человеческий крик... Через секунду я уже бежал сквозь лес, не тратя времени на обход мыса по реке...

Снег вокруг большой полыньи был забрызган красным. Кто-то корчился в снегу. Странно одетый мальчишка поддерживал другого – прямо ко мне было повернуто запрокинутое белое лицо. К нему подходили двое урса. Еще двое выкручивали руки извивающейся девчонке – она как раз снова закричала, отчаянно и безнадежно.

Разбег вынес меня прямо на заснеженный берег. Я не раздумывал и не сомневался – выдернул ноги из креплений, одновременно левой рукой сбрасывая мешок, а правой – выхватывая палаш.

Снега на речном берегу было немного. Хрюкнул, садясь в него, один из урса, державший девчонку – свистнувшая из перерезанного горла струя добрызнула до береговых кустов. Второй схватился за ятаган, оскаливаясь во всю пасть, но я достал его красивым выпадом в левый глаз. Повернулся, приседая и отбивая брошенную толлу гардой, а через секунду оказался возле двух других урса. Поймал ниже лезвия выброшенный мне в живот ассегай, и через миг его хозяин стоял уже без головы, а ассегай мягко вошел в живот последнего из урса.

Прыжком, не теряя времени, я бросился к ворочающемуся в снегу человеку. Это тоже оказался мальчишка – в странной, неуклюжей, какой-то словно бы надутой куртке. Он смотрел на меня огромными от боли и ужаса глазами и силился что-то сказать. Рана была в левом плече – рубленая, глубокая. Я распорол куртку дагой, не понимая, почему мне до сих пор никто не поможет.

– Дайте чем перевязать! – заорал я, оборачиваясь. Девчонка стояла в снегу на коленях, мальчишка по-прежнему поддерживал своего приятеля, хотя на том не было заметно зримых повреждений. – Дайте мой мешок! Живо, придурки, ну?!.

– Ма-а-ам... – выдохнул-простонал мальчишка у меня на руках. Вроде бы по-русски... хотя это слово похоже у многих народов.

– В-в-вот... держи... – Это девчонка очнулась и совала мне мешок. Глазищи – как блюдца, тоже странная одежда... Да, русские.

– Открой его, – процедил я сквозь зубы, сводя рану в плече у парня ладонями, – живей.

– Н-не раз... развязывается... – доложила она через секунду.

– Безручь! – прорычал я. – Иди сюда, зажми рану, живо! – а сам, прижав силой ее ладони на место своих (по пальцам на миг вновь хлынула кровь), одним рывком распустил «коровий узел» на горловине мешка. Оглянулся – снежинки таяли над ладонями девчонки в кровавом пару. Руки сами нашарили нужное. Я бросился обратно. Заметил лежащий в снегу меч – короткий, но широкий... – Держи руки так, – приказал я девчонке...

Мальчишка потерял сознание, но это было даже к лучшему. Переводя дух, я встал на ноги, зачерпнул снега, начал оттирать им руки, сбрасывая к ногам талые кровавые комья. Сменил снег, посмотрел на спасенных мной. Кивнул на висящего в руках друга мальчишку:

– С ним что?

– Он... он ничего, просто сознание потерял... – с запинкой ответил державший его приятель. Девчонка с ожесточенным отворачиванием терла ладони о снег – по моему примеру.

– Извини, – попросил я. – Я на тебя орал.

Она посмотрела ненормальными глазами. В глазах мальчишки вообще был страх. Я хмыкнул, подбирая дагу и палаш, тщательно вытер лезвия и убрал оружие. Поднял мешок и плащ.

– Ну здравствуйте. Земляки, – обратился я наконец ко всем сразу. – Не бойтесь. Я свой. Но мне хотелось бы знать, какого черта вы тут делаете и почему вчетвером не смогли отбиться от четверых? Я жду ответа.

* * *

– Значит, СССР больше нет...

Я сидел по одну сторону от костра. По другую замерли, сбившись кучкой (невольно!), одиннадцать мальчишек и девять девчонок из-под Пскова, решившие встретить новый, 92-й, год на лыжной базе. Раненый лежал ближе к огню, у их ног. Было все равно холодно – стенки большого шалаша насквозь простегивало морозом.

Мы только что закончили рассказывать друг другу две истории. Они – в чем-то вполне обычную, если исключить то, откуда они пришли – из изменившегося мира, о котором я ничего не знал. Я изумился, узнав, что СССР уже не существует – но, если честно, дальше изумления дело не пошло. У меня просто не оставалось уже никаких чувств к *той* стране, *той* земле, *той* жизни. Ну – разве что отстраненный интерес, как к рассказам об истории древних цивилизаций.

А вот мой рассказ поразил их куда сильнее – этих чудно€ одетых ребят, вставлявших в речь непонятные мне словечки. Они попали сюда всего несколько дней назад, прямо на склад с оружием в маленьком гроте под берегом (слишком маленьком, чтобы там обосноваться), и выглядели прямо-таки пришибленными, а не просто растерянными. Почти все они – даже явно младше – были выше меня и плечистей, так что их беспомощность выглядела смешной. Питались они все это время одной печеной рыбой без соли, да и то – мало попадалось. Среди оружия оказались две аркебузы и лук, но пользоваться ими никто и не пользовался. Да и вообще – все оружие лежало в углу этого «жилища».

– Мох могли бы надергать. И щели законопатить, – заметил я. Ответом мне были беспомощные взгляды. А во мне копилось раздражение на этих здоровых ребят и девок, которые даже не предприняли попытки обустроиться получше. Не умеют? Так учились бы – путем проб и ошибок, черт их дери!.. Ведь наверняка каждый что-то да может... – Ну что вы смотрите, как телята?! – не выдержал я. – Я же сказал уже: не попадете вы домой, да и не ждут там вас! Будете здесь жить, если будете за жизнь *драться!* С природой! С урса! С безнадежностью! С ленью своей!.. Да-а, теперь я понял, почему Союз гикнулся! С вами – только туда и дорога, вы же... растения какие-то!

– Зато ты, наверное, был примерным пионером. А папочка вояка, конечно?

Это сказал длинноволосый, изящный, но широкоплечий парнишка. Не просто сказал, а недобро прищурил глаза, со злом, словно я был его врагом – и мне на какую-то секунду вспомнился... Марюс.

– Примерным пионером я никогда не был, – равнодушно и уже спокойно ответил я. – А отца у меня вообще нет. И у вас никого нет, кроме вас же.

– Нечего нам ука...

Его гневная тирада оборвалась испуганным кашлем, он дернулся, чтобы отпрянуть, но не посмел – зеркально заточенный наконечник моего палаша вжался ему в горло. Клинок в моей руке был протянут прямо через пламя. Сам я сидел, как сидел, и говорил спокойно, даже вкрадчиво:

– Я могу сделать так, что твоя голова будет прыгать тут у нас под ногами, как мячик. И хотя бы поэтому я имею право вам указывать. Поверь мне, я убил немало людей одного с собой цвета кожи. Мне это не нравится. Очень. Но делать это я умею.

Палаш молниеносно вернулся в ножны, и я улыбнулся. Мальчишка отчетливо обмяк на месте и вдруг начал икать.

– Воды попей, – посоветовал я.

– Останься с нами, – попросила неожиданно одна из девчонок. – Мы же погибнем без тебя. Останься с нами...

– Не могу, – отрезал я. – Но советами помогу. Хорошими советами. Выполните их – так глупо, как сегодня, не влипнете. – Я помолчал. Было тихо – они ждали. – Выберите старшего. Настоящего, которого будете слушаться без трепя и слез. Только его, – я кивнул на длинноволосого, – не выбирайте, он дурак... Дальше. Учите друг друга, кто что умеет, – и учитесь, учитесь, только по-настоящему. Еще. Работать себя заставляйте. Заставляйте! Даже если холодно, голодно и неохота. И последнее. Самое важное. Не бойтесь. Если дерешься – умираешь незаметно. А если ты овца – то страх тебя заставит умереть сто раз до того, как тебя убьют. Здесь настоящий мир, ребята. Здесь *все* настоящее. Любовь и кровь, война и дружба. И вы или станете настоящими... – я помедлил и добавил, – русскими, или проживете недолго и в страхе. Вот вам все мои советы... Нет. Пожалуй – еще один. Тут в округе болтается еще одна компания. И судя по ее следам – не вам чета. Ищите ее. Вместе с ними у вас будет больше шансов.

Они смотрели на меня молча и с какой-то непонятной надеждой – как дети в опасности смотрят на взрослого. А я почему-то не мог найти в себе жалости к ним.

* * *

Февраль был холодным. Через три дня после встречи с «новичками» я повстречал немецко-русский отряд, зимовавший в этих местах, и немцы уверенно сказали мне, что в неделе пути от них на северо-восток находится русский отряд, возглавляет который Вадим Демидов.

Я не задержался у немцев, хотя они настоятельно предлагали не валять дурака и передохнуть хотя бы...

Кончался трехлетний путь.
Ночь катилась к утру.
И к моему костру
Придвинулась стылая жуть.

Лежал за сугробом сугроб.
Снег сверкал серебром.
И с четырех сторон
Тянулись тысячи троп.

Тропы ведут домой...
Но так мой ложится след,
Что в переплетах лет
Стала тропа тюрьмой.

Если дом опустел —
Домом моим станешь ты.
Жизнь – о тебе мечты,
Ты – это жизни цель.

Круг очерчен огнем.
Выйдя из темноты,
Тихо садишься ты
Рядом со мною – в нем.

Прости, дорогая, я

К тебе долго шел и устал...
Меня снова метила сталь
И новые гибли друзья...

Не ведома жалость путям.
Казалось – ну вот и ты!
Но отступали мечты
За горизонты – там...

Третий кончился год.
Мне до тебя – два шага.
Но вот – под снегом тропа,
И память подернул лед...

Я говорил с тобой,
Девочка, сотни дней.
Я становился сильнее
Общей с твоей судьбой.

Общая наша кровь.
В этой крови – весна.
И – на двоих одна —
Наша с тобой любовь...

О. Верещагин

...В эту ночь я просыпался дважды. Оба раза – от холода, во второй раз было градусов сорок мороза, не меньше, и я пододвигал бревна в костре по мере прогорания, а потом вновь забирался в спальник (со стороны экрана все равно было холодновато, но не настолько, чтобы от этого просыпаться). Во второй раз, прежде чем заснуть, я слышал отдаленный прерывистый рев и довольно долго лежал, высвободив правую руку с револьвером.

В третий раз – окончательно – я проснулся уже, когда небо стало белесым, а в воздухе рассеялся призрачный утренний полусвет. Костер догорал, но давал еще достаточно тепла.

Не вылезая из мешка, я перекатился на бок. Встать не хотелось, и я лежал, раздумывая, смогу ли до темноты добраться к тому месту, где видел дым, пока именно мысль о том, что темнеет сейчас – не успеешь подняться, не заставила зашевелиться активней.

Продукты у меня начинали подходить к концу. Оставался только «НЗ» из сушеного мяса и копченой рыбы (и то и другое – коричневого цвета, совершенно одинаковой – полосками – формы и абсолютно неугрызаемое, но практически вечное в хранении), который я тащил аж с Карпат.

– Надеюсь, – сказал я, завязывая ремни унтов, – что свежее мясо мне уже не пригодится и к вечеру я буду у людей...

Мороз держался. К одиннадцати я вышел на берег Псковского озера и удивленно остановился.

Это было не озеро. В обе стороны насколько хватало глаз, а также – прямо передо мной тянулось заснеженное поле. Но далеко впереди я различил серую полосу незамерзшей воды. На озеро это не походило – скорей на морское побережье, и я решил, что вижу залив, врезающийся тут в сушу на манер того, который рассек Европу до Чехословакии из Средиземки. (Или

– до Словакии, если вспомнить то, что говорили мне те мальчишки и девчонки о распаде и этого государства.)

Дым поднимался в десятке километров справа по побережью, где начинались холмы. Отсюда я не мог различить, где его источник – на одной из лесистых вершин или где-то в распадке. Но зато мог быть уверен, что через час буду там, особенно если идти по берегу, где ровно. Я так и не стал хорошим лыжником, но пройти за час десять километров вполне мог.

Солнце висело в небе красное и очень четкое, так и не поднявшись над горизонтом достаточно высоко. Неподалеку шло вдоль берега большое стадо северных оленей – серо-рыжих гигантов с размашистыми рогами. Я загляделся на них. А когда взглянул в другую сторону – то увидел лыжника.

Он как раз скатывался по крутому склону – такому, что я бы не рискнул на него даже просто встать. На таком расстоянии я видел только, как искристо вспыхивает легкий пушистый мех на оторочке глубокого капюшона. На какой-то миг я залюбовался уверенным скольжением человека... а потом понял – он не просто скатывается со склона.

Он спасается от смерти.

Следом за ним мчались – не очень быстро, проваливаясь в снег, но уверенно – два амфициона. Я и раньше видел этих мощных зверей, похожих одновременно на волков и на медведей, но никогда с ними не сталкивался близко, Олег Фирсов (жаль его...), наш «палеоэксперт», утверждал, что эти животные редки и не ходят стаями. Похоже, что так оно и было (два – это скорей семья, не стая), но двухметровые в длину (и метр в холке!) зверюги и в одиночку были достаточно опасны...

На бегу выхватывая револьвер, я бросился наперерез зверям – между ними и лыжником. Тот – смелый парень! – увидев помощь, не стал убегать дальше, а круто затормозил, развернулся, сбрасывая лыжи. Я тоже выскочил из креплений и вскинул оружие.

О дьявол! Курок звонко тикнул, ударив в покрытый замерзшим слоем сала патрон!

Я успел нажать спуск еще дважды, а потом, отбросив наган, выхватил палаш и приготовился.

Передний амфицион с глухим хрипом прыгнул, насаживаясь на лезвие и своей тяжестью свалив и вмяв меня в снег. Отталкивая бьющуюся и ревущую тяжеленную тушу, я увидел разверстую вонючую пасть второго зверя, успел подставить плечо, вытаскивая дагу, но размаха для удара не было, а мощные клыки драли уже мех куртки. Над животным появилась голова человека – в капюшоне, в меховой маске – сверкнула сталь длинного кинжала, с коротким хрустом погружаясь в бок животного и, кажется, под лопатку. Потом человек отвалил убитого им амфициона, а я, отпихнув первого, переставшего дергаться, поднялся на ноги, придерживая плечо.

– У вас тут опасно, – заметил я по-русски. И впервые нормально посмотрел – вблизи и внимательно – на спасенного-спасителя.

А он почему-то не двигался – стоял, опустив руки (в одной кинжал, с которого капала кровь, – очень знакомый кинжал...) Я быстро перевел взгляд выше – на закрытое маской лицо, почему-то ничего не говоря, а только пытаюсь рассмотреть глаза в узкой прорези маски.

Рука в меховой трехпалой краге поднялась к лицу и с силой потянула маску – со щелчком лопнула завязка где-то под капюшоном. Маска упала в снег, почти брошенная к моему нагану.

– Как долго, – сказала Танюшка. – Как долго я тебя ждала... Вот твои часы, Олег.

И рухнула в снег – на колени – к моим ногам.

* * *

Некоторое время я опасался, что Танюшка сойдет с ума. После короткого ступора, в течение которого она цеплялась за мои колени, девчонка начала хохотать, что-то бессвязно выкри-

кивать, тормошить меня и не в шутку колотить в плечи и грудь кулаками. Потом – повисла на мне, стиснула и – не заплакала, нет; слезы брызнули у нее из глаз ручьями.

И тогда я почувствовал, что тоже плачу. И было это невероятно легко, а главное – эти слезы приносили облегчение, словно вымывали из меня тот комок, в который я скрутил себя почти два года назад, чтобы сохранить достоинство, волю и мужество. Я плакал, захлебываясь слезами, ничего не видел и стискивал Танюшку в объятьях, счастливо до головокружения понимая: я дошел! я добрался! я живой! это – правда, это все правда!!! Ноги перестали нас держать, и мы рухнули в снег, не разжимая объятий и не переставая плакать. Я хотел сказать Танюшке все-все, что думал, на что надеялся, чего хотел, к чему стремился, что со мной было – но каждый раз, открывая рот, давился новым счастливым рыданием, ощущая только, как Танюшка неистово кивает: да, да, я все знаю, я все понимаю, я же все это пережила вместе с тобой!!!

– Это ты, – мокрые пальцы Танюшки коснулись моих мокрых щек. – Это правда-правда – ты.

Вот теперь я начал ее целовать. Так пьют холодную воду, когда жарко, – не замечая вкуса и количества выпитого, зная только, что с каждым глотком отступает сжигавшая все существо жажда. На миг Танюшка замерла – и я с острой благодарностью понял, что она *отвыкла* целоваться, что никого-никого у нее не было за все это неимоверно долгое время расставания. «А ведь она думала, что я погиб, – отчетливая мысль скользнула через мое сознание, – значит, собиралась прожить *вот так* все, что ей осталось!» Но эта мысль сбилась и канула в никуда, потому что я ощутил язычок Танюшки у себя во рту... и сознание стремительно поехало, а я и не пытался включить тормоза...

Солнце начинало клониться на закат. Поглядывая на меня, Танюшка с улыбкой шнуrowала куртку.

– Ну ты отшатал, – не удержалась она от грубости. – Видно, что у тебя никого не было...

– Была, Тань. – Я защелкнул браслет часов и прямо взглянул на нее. – В том-то и дело, что была. Ты слушай, Тань... и решай...

Танюшка дослушала все до конца с совершенно спокойным лицом. Потом, когда я неловко замолк, она тихо сказала:

– Ну что ж... Хорошо, что ты мне это рассказал. Я пока помолчу, ладно? И ты ничего не говори. Пошли лучше к нашим...

Танюшка бежала первой. Я шел за ней, глядя в узкую спину, обтянутую меховой курткой, и по-прежнему был счастлив. Надулась немного, ну да это ведь ясно; ничего – успокоится, и все будет хорошо, уж теперь-то все будет хорошо! У меня на языке вертелись десятки вопросов, буквально распиравших изнутри, но я благоразумно помалкивал.

И, как выяснилось, оказался прав. Мы не прошли и двух километров, как Танюшка, чуть повернувшись, сказала:

– А у нас Наташка Мигачева ушла.

– Как ушла? – опешил я.

Танюшка дернула плечом:

– А вот так, ушла – и все. Летом, даже не сказала – куда... Боже погиб, тоже летом... Да! Раде с Зоркой! Она его обломала знаешь как, а то ведь он в князя метил, даже с Вадимом дрался! Ну Джек ему потом еще ума вложил...

– Джек? – переспросил я, и Танюшка, немного помолчав, сказала, отвечая на мой невысказанный вопрос:

– Олег, он очень хороший. Знаешь, он один не верил, что ты погиб. Или делал вид, что не верил, чтобы меня подбадривать... И еще у нас новенькие есть, сам увидишь.

– Да, я гляжу – новостей впереди полно, – заметил я. – Опа!

Мы снова оказались на берегу, но на этот раз было видно, откуда поднимается дым – словно бы прямо из вершины холма. В какой-то сотне метров от нас сидел на льду рыбак, и я с замирающим сердцем понял, что узнаю его со спины – это был Олег Крыгин. Танюшка закричала, подпрыгивая на месте прямо с лыжами:

– Оле-ег! Олег! К нам Олег вернулся!!!

Крыгин обернулся. Брови поехали вверх, нижняя челюсть – вниз, и, упустив удочку, мой тезка со всех ног рванулся, проваливаясь в снег и скользя по наледям, вверх по косогору, оставив на льду несколько крупных рыбин.

– Чувствую, нас ждет теплая встреча, – заметил я, осторожно спускаясь на лед. Мы и до лунки не успели добраться – откуда-то, словно из-под земли, выметнулась галдящая толпа и лавиной покатилась в нашу сторону. Впереди бежал Вадим.

– Береги бока, – уже совершенно обычно, весело и ядовито, бросила Танюшка.

* * *

Я не мог уснуть. Наверное, от жары. Смешно – последние три месяца я ночевал в снегу и вот теперь не получалось уснуть на топчане в почти настоящем доме, хотя устал я страшно. Вместо того, чтобы отдыхать, я лежал, заложив руки под голову, и смотрел в огонь, пляшущий в очаге посреди жилища.

На этот раз пещеру найти не удалось, и моим друзьям пришлось потрудиться. Надо сказать, получилось неплохо. Они углубили, выровняли и выложили плетенками естественный котлован на вершине прибрежного холма, перекрыли его бревнами и выложили сверху дерном – получилась классическая большая полуземлянка, в центре которой сложили очаг. Получилось теплое, просторное и надежное жилище. Почти дом.

Мы легли всего полчаса назад, хотя было уже фактически утро – ночь напролет шел общий разговор. Сперва говорили все – точнее, орали все, потом рассказывал я, потом – все остальные вместе, потом – все остальные по очереди, потом снова рассказывал я, потому что за воплями не расслышали половину... Правая рука и плечи у меня болели – от пожатий и хлопков, и я толком не мог поверить, что все-таки среди своих. К концу разговора я только и мечтал – лечь и уснуть.

И вот пожалуйста.

Я сел. Посмотрел на Танюшку, спящую рядом, легонько провел ладонью по ее волосам и услышал, как она вздохнула, не просыпаясь.

– Кажется, я и правда на месте, – прошептал я и, тихо спустившись с топчана, подсел к огню.

Джек, подбрасывавший в огонь полешки, поднял на меня глаза:

– Не спится?

– Риторический вопрос это называется, – вздохнул я. И быстро спросил: – Не рад, что я вернулся?

– А это называется – глупый вопрос, – равнодушно отозвался Джек. – Не волнуйся, Олег. Я когда-то поклялся тебе. Этого достаточно. Можешь мне поверить – твоему возвращению рады все.

Я кивнул и, обернувшись вполоборота, начал по кругу осматривать спящих мальчишек и девчонок, задерживая взгляд на «новеньких», с которыми так еще и не познакомился толком, но кое-что уже узнал про них.

Ленька и Лидка Смагины. Близнецы, им по четырнадцать лет, и они правда «новенькие», совсем. Русоволосые, сероглазые, высокие, худощавые, очень похожие. Им, пожалуй, повезло больше, чем их *оригиналам*, потому что они попали сюда из московского подпольного публичного дома... Да-а, что-то совсем неладненько на исторической родине...

Линде Скольвен. Пятнадцатилетняя датчанка, ставшая уже здесь девчонкой Видова. Типичнейшая северянка, пришедшая в отряд вместе с Яном Франтой, своим ровесником-поляком. До этого они были в одном отряде, разбитом урса в Швейцарии.

Димка Юрасов, четырнадцатилетний русский мальчишка, друг Фергюса, прибившийся к нашим еще на Кавказе, пока искали меня...

Итого – пятнадцать парней, десять девчонок...

– Я не спросил, где наш «Большой Секрет»-то? – спохватился я. В самом деле, забыл поинтересоваться... Джек улыбнулся:

– Отстаивается у Лаури в Гибралтаре... Да, Тиль пропал.

– Как?! – расстроился я.

Джек вздохнул:

– Да так... Поплыл куда-то в Америку – и с концами... Да ничего, может, еще вернется...

– Может быть, – вздохнул я.

Джек помолчал и, снова – ни за чем – бросив в огонь полено, сказал:

– Еще кое-что. Сережка Земцов обосновался в двух неделях пути к северу от нас.

– Сергей?!

Джек наклонил голову:

– Да. Мы даже виделись несколько раз. Ему про тебя рассказали.

– Да. Конечно. Ясно, – пробормотал я. И потер виски ладонями: – Ну что ж, мне надо будет сходить с ним повидаться.

– Повидайся, – согласился Джек. – А потом что будем делать, Олег?

– Потом? – я встал на ноги. – *Потом* – посмотрим. Ну а *сейчас* я пойду спать, и дело с концом.

– Похоже, что дело-то только начинается, – сказал Джек.

* * *

Почти две недели уже я пробирался по заболоченным лесам вдоль кромки морского залива, поглотившего здесь Псковское, Чудское и Ладожское озера, а с ними – большую часть Ленинградской области. Я шел на север вдоль правого берега Волхова, превратившегося здесь в цепь болот и, судя по времени, подходил к Онежскому озеру, на берегах которого и должен был найтись Сергей.

Потеплело, прежних морозов уже не было, хотя я и двигался прочь от тепла. Это, кстати, было не к лучшему – верхний слой почвы плыл, лыжи частенько шли плоховато, и я выбирал гребни, высотки, где снег был подходящим. В солнечные дни с таких высоток лес впереди и за спиной серебристо посверкивал десятками острых огоньков – солнечные лучи дробились о поверхность множества болотцев.

У меня было хорошее настроение. Хотя, казалось бы, я снова был далеко от своих, да еще и удалялся от них больше и больше. Но огромная разница была между сегодняшним моим странствием – и прошлым.

Сегодня я вышел из дома. И знал, куда могу и должен вернуться. Если есть дом, то можно уйти за тысячи километров от него на годы.

Он ведь все равно есть...

За двенадцать дней пути я дважды видел оставленные стоянки «наших». На первой даже еще зола не успела остыть, а следы большой группы людей уводили на юго-восток. У них с собой был карабин – в нескольких местах я нашел отпечатки приклада на снегу, – и один человек курил самодельковые сигары. Были в Америке... Урса не встречалось вообще, но это, к сожалению, не значило, что их нет.

В их наличии я убедился именно в этот – двенадцатый – день.

Я срезал путь краем припая и взбирался «лесенкой», кляня лыжи, снег и зиму, на довольно пологий склон берега.

– Лыжи – это не мое, – признался я в пространство, добравшись до верха. И, обернувшись, присвистнул.

Наверху начиналась корабельная роща. Сосны в обхват, а то и в два, росли насколько хватал глаз.

На каждой сосне висел скрюченный, траченный воронами, а снизу еще и лисами, голый труп урса. Их удавили испанским способом – не классической петлей, а захлестнутой на горле вокруг ствола веревкой. А шагах в десяти от меня, на высоком пне, был вырезан знак, окрашенный чем-то бурым.

– Черный лебедь Туонелы, – пробормотал я и оглянулся. Птица обозначала Смерть. Калму. Так ее метили финны. Подойдя к пню, я тронул рисунок – вырез был свежий. Хотя – сыро, могли и давно прорезать. Я свистнул и, приставив ладонь ко рту, гикнул: – Аллля-ля-ля! Терве, суомалайнинен!

«Энни!!!» – гаркнул в ответ сосняк. И – тишина, только скрипел где-то мрачно ворон.

Я все-таки еще порыскал вокруг. Урса вешали все-таки давненько – до последнего снегопада, следов не оказалось. Пройдя рощу насквозь, я оказался над косогором, низом которого шли рассеянным клином с дюжину рыжешерстных носорогов. Неспешно и уверенно. За ними оставалась распаханная до земли широченная полоса.

А на другом конце косогора стояли, опершись на длинные – почти как английские – луки, двое лыжников. Они смотрели в мою сторону.

* * *

Мальчишек звали Рюти и Антон. Были они, кстати, не финнами, а оба наши, советские (или российские, как теперь правильно говорить?). Один – карел, второй – русский из поморов. И я почти не удивился, когда они вполне вежливо предложили мне «проехать» к их князю.

Сергею.

– И давно он у вас князем? – уточнил я.

– С начала, – ответил Антон. – Он нашу команду и сколотил два года назад, из кусков...

– Идти-то далеко? – поинтересовался я. Антон весело махнул рукой:

– Час, не больше! – посмотрел на мои ноги и поправился. – Ну три. Около того.

– Ясно, максимум четыре, около пяти, – вздохнул я. – Ну ладно, поехали...

... – А фамилия у вашего князя как? – на ходу уточнил я. Антон, обернувшись (и продолжая ловко объезжать кусты и валежины), наморщил лоб:

– Фамилия?.. Во, а я и не знаю.

– Земцов, – обронил Рюти, скользивший у меня за спиной. – Сергей Земцов.

– А его девчонку зовут Ленка? – Я спрятал улыбку.

– Точно, Ленка, – Антон вновь обернулся. – Вы что, знакомы, что ли?

– Встречались, – дипломатично ответил я.

И вдруг подумал, что, похоже, зря иду туда, куда иду. Будет радостная встреча... и все. Как с Андреем.

Никого мне больше не собрать.

...Кажется, море и здесь вгрызлось в землю, превратив Онежское озеро в свою часть. После короткого, но тяжелого подъема на косогор я увидел узкий залив-фьорд. Километрах в трех от нас, в его окончании, на пологом длинном холме из-за частокола поднимались дымки над крытыми корьем скатами. У воды стоял длинный шалаш-сарай. Через лед залива шли трое или четверо лыжников.

– Узкая Губа, – вытянул руку Антон. И вихрем понесся вниз со склона.

Я тяжело вздохнул. И приготовился спускаться «лесенкой».

* * *

На взгляд в Узкой Губе жило человек пятьдесят, и я снова подумал, что напрасно пришел сюда.

«Он там богат, он царь тех стран, Владыка надо всем Кавказом», – всплыли в памяти строчки «Емшана».

Да, Сергей стал князем. Настоящим. Более настоящим, чем я. Не сравнить... Куда мне звать его?

«По крайней мере – пожму ему руку и попрошу прощения», – решил я, на ходу поправляя перевязь оружия. Антон уже махал мне из приоткрытой двери полуземлянки, откуда дышало теплом и слышался шум.

Пригнувшись, я полез вниз по ступенькам, выложенным подогнанными досками, и сбрасывая капюшон.

Длинный – не меньше двадцати шагов – и довольно высокий дом был освещен десятком факелов и жарко натоплен. Посередине горел костер в очаге, выложенном камнем, крышное бревно поддерживали четыре подпорки, красиво увенчанных настоящими лосиными рогами; на самих рогах и столбах висело оружие. Вокруг огня – кольцом – стоял стол с таким же круговым сиденьем. Прямо напротив входа сиденье прерывалось высокоспинным тронем, покрытым шкурами. Вокруг стола сидели человек шесть мальчишек и две девчонки. Все ели и перебрасывались фразами на русском и финском.

Рюти уже стоял у большого сиденья и что-то говорил человеку, сидевшему там – как раз закрывая его от меня. Ощущая на себе взгляды, я шел по утопанному полу через установившуюся тишину.

Рюти разогнулся.

Мои глаза встретились с изумленно и радостно расширившимися светло-серыми глазами под светло-русой челкой.

– Олег!!! – вскрикнула одна из девчонок, в которой я мельком узнал Ленку. Она хотела вскочить, но мешал стол.

А Сергей уже шел ко мне, раскинув руки (свисали широкие рукава кожаной куртки, отделанные вышивкой), и улыбался во весь рот.

Мы обнялись на полдороге к его сиденью. Потом я отодвинул Сергея от себя и, держа ладони на его плечах (сильных, крутых), негромко сказал:

– Я пришел попросить прощения, брат. Я был не прав тогда... почти три года назад.

– Живой, – вместо ответа сказал Сергей. – Живой.

* * *

Тот, кто не сидел с другом за полночь, не знает ощущения братства. Стол давно опустел, погасли факелы, а мы сидели вдвоем при свете очага и рассказывали друг другу историю последних лет.

Внешне Сергей не изменился, да и в манере разговора – тоже... но в нем появилась властная настойчивость человека, привыкшего принимать ежечасные решения о судьбах других людей и даже подчинять их себе. Но для меня он был прежним моим другом и братом. Сергеем.

Мы прикончили вкуснейший кабаньей окорок, напигованный чесноком и какими-то травами, которые я так и не научился различать. И вот именно тут Сергей спросил...

– Почему ты не скажешь, зачем пришел?

– Повидать тебя, – пожал я плечами.

Сергей закинул ногу на ногу и покачал головой:

– Нет, не надо, Олег... Ты ведь пришел звать меня обратно... К тебе.

– А может быть, проситься к тебе? – спросил я.

– Правда?! – вспыхнул Сергей. – Да, конечно, приводи своих... черт, *наших* приводи... – Он угас и хлопнул меня по руке: – Нет, я же вижу.

– И я вижу, – тихо ответил я. – Ты ведь не пойдешь со мной. Ты на голом месте создал хороший поселок. У тебя есть люди, которые тебе верят. И корабли у тебя есть...

– Да, две ладьи, – гордо сказал Сергей. – И люди, и поселок... Все есть, Олег.

– Поэтому и не зову, – заключил я, наливая себе брусничного настоя из деревянного жбана.

– Может быть, тебе все-таки сюда со всеми нашими? – почти умоляюще предложил Сергей.

– Дорога, Сергей, – тихо сказал я. – Меня ждет дорога. Я пойду по ней до конца – и никого не поведу с собой насильно... Я сумасшедший романтик, и с этим поделаться ничего нельзя.

– Я провожу тебя на день пути, – сказал Сергей. – Ты когда собираешься уходить?

– Завтра, – отрезал я.

– Уже?! – Голос у него упал. – Я думал, погостишь...

– Сергей, я не видел Танюшку два года, – тихо сказал я. – И ушел повидаться с тобой, пробыв с нею всего два дня. Пойми.

* * *

Меня буквально подбросили звуки тревоги. Я сел на ложе, отбросив шкуру, и несколько мгновений обалдело смотрел, как мальчишки вокруг в бешеном темпе одеваются и хватают оружие.

– Сергей, что случилось?! – гаркнул я своему другу – он затягивал ремнем зимнюю куртку и, подняв на меня бешеные глаза, секунду не узнавал. Потом сморгнул пленку ярости и пояснил, перекрикивая общий шум:

– Дозорные донесли – на побережье, километрах в пяти, потрошат рыбный склад...

– Да кто, кто?! – я вскочил на ноги.

– Варрррряги, блин! – прорычал Сергей. – Повадились, суки, то один, то другой... Живей!!!

– погоди, я с вами!

Сергей застыл, потом неуверенно заметил:

– Это не обязательно...

– Обижаешь, – отрезал я, влезая в штаны.

* * *

Пришельцы – а их было пятеро парней с салазками, все с оружием – скорей всего подошли к краю припая на лодке и, оставив ее, добрались до берегового склада на лыжах. По дороге Сергей объяснил мне, что подобные фокусы пришельцы с моря откалывали уже не раз – и не всегда дело заканчивалось просто грабежом.

Но на этот раз у них не получилось уйти. Один десяток ребят Сергея пробрался вдоль берега и отрезал обратный путь. А второй – с самим Сергеем и со мной – спустился из леса.

Бросив салазки, пятерка пришельцев встала в круг. Двое поспешно натянули луки. Еще у двоих были щиты. Мы создали широкое кольцо и застыли, тоже держа оружие наготове. Кобуру нагана я не расстегивал – это было бы нечестно. С каких-то десяти шагов я рассматри-

вал навечно загорелые, обветренные лица. Да, это, пожалуй, были скандинавы... кроме одного лучника, слишком беловолосого. Финн или прибалт... а может даже – наш северянин. На парне без щита и без лука ловко сидел кожаный шлем, в обеих руках были недлинные широкие мечи.

– Меняю рыбу на хлеб или апельсины, – сказал Сергей. Он держал палаш на плече. – Апельсины у вас есть?

– Нету, – отозвался по-русски тот, что в шлеме. Точно, он тут был главным... и «нету» у него прозвучало с акцентом. – И хлеба нету.

– А, значит, бесплатно рыбкой решили разжиться, – уточнил Сергей добродушно. – Кто послал-то вас? Или голодающие? Тогда берите рыбу и гуляйте...

Трусами они, конечно, не были. На лицах у всех троих появились ухмылки, а тот, что в шлеме, ответил:

– Мы не побирушки.

– Угу, вы воры, – согласился Сергей и сделал шаг вперед. Тот, что в шлеме, шагнул навстречу. – Я князь этих мест. Зовут меня Сергей, и не может быть, чтобы вы не слышали про меня.

– Слышали, – кивнул парень. – Меня зовут Блум, а кто у меня старший – тебе знать не обязательно.

– Ну что ж, вот и познакомились. – Левой рукой Сергей сбросил с головы капюшон. – Я вот что хочу предложить. Вас пятеро. Нас двадцать. Начнется свалка – вам не уйти, но и я потеряю троих минимум; может – больше, а мне это не нужно. Давай – один на один. Победишь ты – мои отпустят вас. И рыбу заберете. Мой верх – твои отдадут оружие и уйдут.

– Все? – уточнил Блум.

Сергей кивнул:

– Все. Кроме тебя, разумеется. Тебя мы похороним.

На миг Блум задумался. Потом беззаботно улыбнулся:

– Пойдет. – Он поднял руки и прокрутил в них мечи умелым движением бойца.

Я почувствовал, что собираюсь сделать шаг вперед. Наткнулся на удивленный взгляд Сергея... и остался стоять.

Князем здесь был он. Он принимал бой. Все было правильно и справедливо.

Сергей левой рукой обнажил свою дагу...

Все поединки похожи друг на друга – одинаково красивы, притягательны и страшны. У Блума были обычные мечи – такими не колют, но они плели в его руках двойное плотное кружево рубящих ударов. Каждый из них, обманчиво-плавных, грозил стать смертельным. Сергей держал руку с дагой у бедра, острием к противнику – удар мечом в полный размах дагой не перехватишь, сила не та. Его палаш нырял вверх-вниз, мгновенно отдергиваясь, словно челнок ткацкого станка.

«Рука устанет!» – хотел крикнуть я, но стиснул зубы и промолчал. Палаш Сергея был тяжелее, чем меч Блума. Оставалось надеяться, что у того работают обе руки, а значит, он устанет раньше...

Когда первое напряжение прошло, я увидел, что Сергей за прошедшее время научился очень многому. Творчески развил, так сказать, мое наследие. И я следил за ним с искренним восхищением.

Рука Сергея с дагой вылетела из-за спины. Он не пытался отбивать удары, он парировал их скользом. А вот палаш его начал «ходить» туда-сюда в нешуточных рубящих ударах, расплескивавших бледные искры в только-только разлившийся полусвет короткого дня.

Блум дрался очень хорошо. Великолепно он дрался. Уж не знаю, сколько он тут прожил, но годы эти прошли не зря, не зря...

Косым ударом снизу вверх – таким разваливают лицо от подбородка до лба – Сергей сшиб с него шлем, и наши восторженно заорали. Не все. Промолчал и я – я хорошо видел, что

Блум в последний миг чуть припал на отставленную назад ногу, и палаш Сергея только это и сделал – шлем сбил, и тот улетел прочь, кувыркаясь.

Сергей проводил его глазами!!! И тут же у его левого бока полыхнула сталь одного из мечей Блума. Все, что мой друг успел сделать, – это прикрыть бок рукой...

Мне сперва показалось, что в сторону улетела отрубленная левая кисть!

Но через секунду я понял, что это Сергей выронил дагу – меч Блума разрубил ему руку выше запястья. А в следующий удар сердца – второй раз. Уже над локтем.

Из рукава побежала в истоптанный снег яркая кровь.

Сережка, не падай! Надо стоять!
Держись еще хоть немного!
Ты разве забыл, что на свете есть я
И наша одна дорога?

Сквозь тыщи галактик и черных дыр,
Сквозь огненный звон звездопада,
Сквозь вражьи ряды и колючий дым
К тебе я прорвусь и спасу от беды —
Ты только встань и не падай!

Горят города, и ребята лежат
В пыли и угольной крошке,
Но как ты учил меня шпагу держать,
Ты разве забыл, Сережка?!

Пушай этот день от крови намок,
Пушай молчат барабаны, —
Ты только держись и не падай с ног!
Я дам тебе лучший на свете клинок,
Я сам щитом твоим стану!

В. Крапивин

– Рыбу грузите, – через плечо бросил своим Блум. Не затем, чтобы поиздеваться над Сергеем. Просто он был уверен в своей победе и отдавал привычную команду.

– Не торопись, – процедил Сергей, вжимая руку в бок (мех куртки слипся сосульками). – Не так-то все просто...

Честное слово, я не понял, что он успел сделать! *Я не* понял! Просто Сергей вдруг оказался за спиной Блума. И пониже грудины, из солнечного сплетения, у того выскочило на полруки окровавленное лезвие палаша.

Блум упал с удивленным лицом, мягко соскользнув с клинка и не выпустив мечей из рук.

Сергей, тяжело дыша, стоял спиной к остальным четверым налетчикам, и я напрягся, ожидая чего угодно... но увидел лишь, как в снег тяжело ныряет оружие, выпущенное ими из рук.

* * *

– Сухожилие повредил, – заметила Ленка, аккуратно зашивая рану.

– Фигня, – отозвался Сергей, – не первый раз, разработаю...

Он сидел, широко расставив ноги, и только сжатая в кулак правая рука показывала, что ему больно. Говорил Сергей совершенно спокойно, даже весело.

– Как еще кость уцелела, – продолжала ворчать Ленка. – Нет, вот тут трещина. В лучевой... Так и есть. Потерпи, я шью.

– Терплю, – хмыкнул Сергей и повернулся ко мне. Я шнуровал куртку. – Я видел, как ты хотел идти драться вместо меня. Ты по-прежнему остаешься Королем Поединков.

– И все-таки я не заметил, что ты сделал с Блумом, – признался я. – Великолепный удар.

– Разозлился, – признался Сергея, пытаюсь пошевелить пальцами. Ленка сердито двинула ему по затылку:

– Я еще не зашила!

– Извини, – Сергей вновь посмотрел на меня. – Уходишь, – вздохнул он. – Ладно, я сейчас соберусь. Обещал, надо проводить...

– Не надо, не надо! – запротестовала Ленка.

– Долгие проводы – лишние слезы, – улыбнулся я, протягивая ему руку. – Увидимся еще. Что нам делается...

Я не выдержал – оглянулся, когда поднялся на кособор над Узкой Губой. След моих лыж тянулся за мной двумя тонкими нитками. Все. Если я и вернусь сюда – то не скоро и только как гость.

Но жа-а-аль...

Я шел сквозь лес и думал, что хорошо бы заплакать.

Опять не получалось.

* * *

На пятый вечер обратного пути я разбил стоянку в небольшой пещерке над берегом одной из вытекающих из болота рек. Днем метательным ножом я сшиб глухаря и сейчас, откинувшись на спальник, посланный на лапник, жевал не очень вкусное, припахивающее смолой мясо. Было достаточно тепло и почти уютно – у входа я поставил наскоро сплетенный из веток щит.

Еще неделя, и я доберусь до нашей стоянки. Кстати, все начнет раскисать уже через два-три дня, и мне впору не лыжи, а лодку, как бы неделя в две не превратилась...

...Стоп. Странное ощущение. Двое... один остановился над берегом, второй начал спускаться. Очень-очень тихо.

Очень-очень тихим и аккуратным – как движение человека снаружи – скользом ребра ладони я взвел оружие и положил кулак с ним на колено, левой рукой нащупав дагу. Если что – ею тут удобней будет драться.

Щит легко покачнулся. Я двинул стволом и бровью – однако, опытные граждане. Снаружи тьма тьмущая, а они так точно вышли... Что же это за поздние гости такие? Не урса, мало слишком, а значит, скорее всего обойдется без кровопролития. Но лучше подстраховаться.

– Олег, – послышался голос Сергея, – насколько я тебя знаю – ты сейчас целишься мне в район лба. Так ты опусти свою пушку и пригласи нас с дамой в дом.

– Ленка тоже там? – спокойно спросил я, не сразу попадая в кобуру револьвера – меня вдруг начало трясти от всеобъемлющей и неконтролируемой радости, булькавшей где-то в горле, словно пузырьки газировки. – Какого же ты таскаешь девушку ночью по болотам?

– А что делать, если ты такой ходок?

– Он не ходок, он спринтер. – Щит отвалился в сторону, и внутрь всунулись два неразличимых силуэта.

– Черти, – сердито сказал я. И в следующую секунду мы с Сергеем тискали друг друга, а Ленка кричала, чтобы я не повредил ему раненую руку...

– Лехто остался там вместо меня. Он пойдет, справится... Отпускать, правда, ни в какую не хотели. – Сергей засмеялся виновато. – Я думал – вообще свяжут. И еще думал – пополам разорвусь, не иначе...

– Почему все-таки со мной? – спросил я негромко.

Мы лежали на разостланных спальниках. За спиной Сергея тихо сопела Ленка. И сейчас он не сразу ответил на мой вопрос...

– Вот тут, Олег, – он, я различил, хлопнул себя по левому бедру, – помнишь, от чего у меня шрамы? И тут... – он коснулся левого плеча. – Помнишь?

– Помню, – кивнул я.

– Ну вот и я вспомнил... Если друг зовет – нельзя отказываться и чем-то оправдывать свой отказ. Иначе все в прошлом не имеет смысла... а у нас и так не очень много того, ради чего стоит жить... В общем, Олег, я пойду с тобой и дальше. И, – он засмеялся уже весело, – честно говоря, я рад, что повидаю наших... и останусь с ними, черт побери!

* * *

Как я и опасался, болота расперло весенними водами, и нам пришлось забрать южнее, удлиняя свой путь на сутки, а то и двое. Весна катилась нам навстречу. Днем через небо – то хмурое, то солнечное – летели и летели бесконечные птичьи стаи. Оживали леса. Реки вспучивали разливающиеся воды, лед кряхтел и трещал, по ночам это даже пугало, звуки были резкие и оглушительные, как артиллерийская стрельба или удары грома.

На двенадцатый день начался разлив, и я понял, что мы не успеем и за две недели. Но, если честно, меня это не очень беспокоило. Сергей и Ленка шли со мной.

Мы возвращались...

Мы с Ленкой во время короткой дневки в очередной раз сушили сапоги, поставив босые ноги на вещмешки. От сапог валил пар. Налетели какие-то мошки, толклись чуть в стороне, хорошо еще – не кусались. Сергей должен был вернуться с минуты на минуту – он убежал на пару километров вперед, посмотреть, что там и как.

Мы как раз успели зажевать по пластинке копченого мяса, когда Сергей показался на опушке метрах в ста от нас. Он бежал – быстро, скользя на раскисшей под снегом земле.

– Что случилось? – быстро спросил я.

Мой друг, присев на корточки, махнул рукой назад:

– Во-первых, там огромное стадо мамонтов, я такого еще не видел. А во-вторых – два человека. Идут на лыжах в нашу сторону по опушке леса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.